

Счастья

ЗА ДИВАНОМ

ЛЕНА ТЭСС

Чужие дети спрятались за вашим диваном? Не вешайте нос!

Нужно просто отвести их к родителям.

Точнее, к одному очень злому и привлекательному папочке, который орёт так, что хочется не то по роже двинуть, не то поцеловать до головокружения и скрыться в закате, пока опомниться не успел.

Вот только одна неурядица: дети ваши в одном классе учатся, да и сам он — почти что ваш сосед.

Когда я вернулась домой, было около восьми вечера и в квартире стояла подозрительная тишина.

Такая бывает, когда вы случайно оставляете маленького ребёнка посреди комнаты с новым набором фломастеров и свеженьким альбомом, минут двадцать наслаждаетесь тишиной и кофе, а потом вдруг осознаете: что-то пошло не так.

Тишина в квартире с детьми — это первый признак надвигающейся катастрофы.

Неважно — восемь месяцев ребёнку или восемь лет. Неважно — мальчик это или девочка. Не важны ни количество детей, ни цвет их глаз или волос.

Я прошла на кухню и отметила, что даже грязной посуды в раковине не осталось. Тарелка и чашка стояли вверх дном на полотенце, расстеленном рядом с раковиной.

— Саш? — Я позвала сына и услышала, как тот закопошился и поспешил ко мне.

— Да, мамочка? — Ребёнок оказался передо мной уже через пару мгновений. Он стоял, отведя руки за спину, слегка дергая плечами и постоянно вертел головой, словно пытаюсь понять, что натворил.

Хм. Быстро прибежал, на меня не смотрит, явно нервничает. Здесь точно что-то не чисто.

— Сынок, ты уроки на завтра сделал?

Наконец-то он поднял голову и интенсивно замахал ею вверх-вниз.

— Да, и математику, и русский. А больше ничего не задавали. По английскому тетради забрали и пока не отдали, мам.

Он отгарабанил всё это на одном лишь выдохе и уже готов был слинять по каким-то одному ему понятным и важным делам.

— Ты погоди, присядь. Чаю хочешь? Я принесла маленькие сникерсы.

Сашка покачал головой, что было странно. Чай он любил, особенно с конфетами.

— Как на футболе дела? Я не успела тебя отвезти, извини, бабушка задержала меня, а потом на почте и еще...

— Всё хорошо.

Я вопросительно приподняла бровь. Сашка обожал футбол и мог рассказывать про свои тренировки и успехи если не часами, то как минимум минут пятнадцать без перерыва. Он всегда подробно описывал, как и кому отдавал пас, сколько было упущенных возможностей для гола, и обещал, что обязательно забьёт в следующий раз.

Несмотря на наш переезд и смену учебного заведения, к спортивной школе, где у него проходили занятия, мы, наоборот, переместились гораздо ближе, так что теперь я могла отпускать его одного, практически не переживая. По пути была лишь одна дорога, но со светофором. Я просто всегда просила его позвонить мне и сообщить, что он успешно добрался до места.

— Что ж, можем попробовать сегодня настроить приставку. Ты её распаковал? — Я встала со стула и собиралась сделать шаг в сторону большой комнаты.

— Нет! — Сын вскочил с места, немало удивив меня.

Я уже собиралась спросить, не сломал ли он свою любимую Play Station, подаренную Ильёй на прошлый новый год, как из большой комнаты послышался весьма отчётливый шум. Как будто что-то упало.

«Кот», — подумала я, вспоминая, как сын пару раз намекал на то, что было бы здорово завести домашнее животное, ведь теперь это наша собственная квартира и места тут очень много. Неужели принёс с улицы? Я быстрыми шагами направилась в сторону гостиной, настежь распахнула дверь и замерла на месте как есть.

Из-за нашего старенького дивана, который мы перевезли сюда со съёмной квартиры, на меня смотрели две пары испуганных девчачьих глаз.

— Мам, я всё объясню! — Сашка выскочил вперёд и встал между мной и неожиданной находкой.

А я вдруг подумала, что лучше бы он принёс домой кота.

За день до событий пролога.

— Мам, можно вопрос?

Рука сына крепко вцепилась в мой локоть и он, не жалея сил потянул за ткань куртки, чтобы привлечь моё внимание.

Но я держалась. Я — кремень.

— Мам, ну можно вопрос?

Ёлки, стоящие перед нами, были разной высоты, полноты и всевозможных оттенков зелёного. Одни припорошили снежком, к другим прицепили пластиковые шишки, и на каждой висела совершенно уродливая плашка-огонёк, которая сообщала покупателям о тридцатипроцентной скидке.

— Ну ма-а-а-ма-а-а, — взвыл Сашка, заставляя меня сдаться.

— Вот же. — Я обернулась, чертыхнулась и сняла волчью маску с улыбающегося лица сына. — Ты совсем страх потерял или решил распрощаться с приставкой на пару недель?

— А она и так не подключена, — пробурчал мальчишка, забирая китайскую пластиковую маску обратно. — Давай её тоже купим? Я дядю Илью пугать буду и деда с бабой.

Сын, как и полагается восьмилетке, сделал максимально милое личико, которое могло бы растопить даже самое холодное родительское сердце и заставить тратить на этого негодника всё, что есть у вас в кармах и даже слегка влезть в кредит.

Но со мной такое не пройдет.

Ипотечную кабалу я и так оформила около месяца назад, но проблема была не в том, что у меня не хватало денег на покупку квартиры, — просто покупала я почти что «голые» стены, без внятного ремонта и мебели.

Всё, что я могла взять с собой в нашу собственную трёшку из съёмного жилья, — это старенький, купленный на Авито диван да кровать, на которой спал Сашка.

Наверное, стоит начать мою историю с некоторого пояснения, как одинокой мамочке с ребёнком на руках удалось накопить на новую жилплощадь?

Ответ прост — никак.

Бабушка наша, Агафья Петровна Гусарова, жила в Подмосковье в собственном доме — почти усадьбе. Жила она там всю свою жизнь — все восемьдесят девять лет, а как её не стало, так и всплыло завещание, в котором добрая старушка дом и сбережения разделила между ближайшими родственниками — своим единственным сыном и внуком с внучкой. Сумма была не космической, но я подбила собственные сбережения, свела баланс (не зря же заочно на бухгалтера отучилась) и решила, что надо брать.

Квартиру.

Мама причитала о том, что нам двоим с Сашкой было бы достаточно и малосемейки в хрущёвке. Мужчин-то в моей жизни нет, а если и найдутся те, кто готов связаться с «безмозглой дурочкой с прицепом», то лучше пусть на свою территорию забирают, а однушку сдавать будет проще.

Я же считала, что у сына должна быть отдельная комната, а спать и работать в одном помещении мне больше не хотелось. Меня не смущали варианты в типовых панельках и

новых спальных районах — именно к такому жилью я скорее и стремилась — подальше от родителей и их вмешательства. Стены, конечно, почти без шумоизоляции — зато свои.

Хороший вариант нашёлся достаточно быстро — но, к сожалению, не без изъяна: в квартире из мебели была только кухня и хорошо обустроенный санузел. В маленькой спальне стены были выведены под поклейку, но у прежних хозяев до этого так и не дошли руки. В общем, нам с Сашкой предстояло жить с недоделанным ремонтом и заканчивать его по мере возможности.

Именно по этой причине вечером буднего дня нас занесло в строительный гипермаркет «Кузнец да Плотик». Как гласила брошюрка на четыре листа, обнаруженная утром в почтовом ящике, там был самый большой выбор товаров для «ремонта и комфортной жизни».

— А еще нам нужна ёлка, мама. Наша собственная, вот такая, — с восторгом сказал Сашка, разглядывая яркий журнал и тыкая в пушистое зелёное дерево, с макушки до самого низа украшенное разноцветными шарами и гирляндами.

Такая ёлка сейчас стояла и перед нами, а еще огромная пирамида из банок с синей краской — тоже по скидке.

Вокруг чувствовалась начинающаяся предновогодняя суeta. Покупатели толпились у полок с ёлочными игрушками, распихивали друг друга локтями в попытке добыть особо популярный в этом году сине-серебристый набор шаров.

Продавцы-мужчины, все как один в красных шапках и с белыми бородами, прицепленными к лицу, проходили мимо с очень важным видом. И никто не обращал внимание на приближающуюся катастрофу.

— Эй, Дед Мороз, а достаньте со склада еще таких наборов, — заорала из центра общего ажиотажа женщина с начесом.

— И красно-золотые захватите, — донеслось с другой стороны.

— И мишуры зеленой и фиолетовой, — просипел лысый мужчина совсем близко от меня.

Дед Мороз, которого, если верить бейджику, звали Дмитрий, взирал на собравшуюся толпу со смесью едва сдерживаемой злости. Он хищно оглянулся по сторонам в поисках коллег, но, не найдя ни одного в ближайшем обозрении, его глаза остановились на мне.

— Вам тоже что-то нужно срочно принести? — Яд так и сочился в каждом его слове.

Вот же.

Я понимаю, что эта работа не сахар, но разве клиентоориентированность не являлась одной из корпоративных составляющих огромных компаний?

— Если только попкорна, не терпится узнать, кому достанется последняя упаковка дефицитного серпантина, — съязвила я.

Белая борода у продавца подозрительно дрогнула, а морщинки, лучиками расходившиеся вокруг смеющихся зелёных глаз, стали чуточку глубже.

Дед Мороз Дмитрий скрылся среди стеллажей, оставив меня в гордом одиночестве наблюдать, чем же закончится это «побоище за игрушки».

Насколько я знала, магазин «Кузнец да Плотник» стал узнаваемым брендом не так давно. Еще пару лет назад в городе почти никто не слышал про скромный отдел товаров для ремонта в торговом центре на Ленина. А потом открылось сразу два гипермаркета, да с такой рекламной компанией, что люди сначала туда пошли из интереса, впечатлялись

масштабом перемен и ассортимента, и почти никто не уходил без покупок, будь то вешалки и розетки или коробки с ламинатом и целые ваннные комнаты.

Да что уж говорить, пару недель назад, когда мы с Сашкой получили заветные ключи от квартиры и перевозили в нее все своё скромное имущество, я вдруг поняла, что у меня появилась своя комната, но не кровать.

В ту ночь я спала на нашем стареньком диване, а на утро, отправив Сашку в новую школу знакомиться с одноклассниками, рванула в этот самый магазин за надувным матрасом — денег тот стоил немного, на первое время сойдёт.

— Мам, так мы возьмём маску? Ну, пожалуйста, очень хочется. — Сашка снова дёрнул меня за рукав и вернул из воспоминаний в настоящее, как раз в тот момент, когда не один, а сразу три продавца, вкатили тележку со всеми запасами требуемых ранее наборов игрушек и новогодней атрибутики.

А дальше всё происходило как в замедленной съёмке.

Кто-то из толпы, завидев это изобилие, резко развернулся и с криком «Там есть ещё!» направил весь поток людей в нашу с Сашкой сторону.

— Осторожно! — раздался знакомый мужской голос где-то у меня за спиной, но было слишком поздно.

Хрупкая конструкция из банок с синей краской, задетая массивной хозяйственной сумкой дамы с оранжевыми губами, опасно накренилась. Затем чуточку пошатнулась, а потом осыпалась как карточный домик. Прямым мне в ноги. Я только и успела схватить сына за руку, чтобы вытолкнуть из «зоны поражения», но несколько открывшихся банок расплескали краску по полу и, к сожалению, именно меня угораздило оказаться посреди этого океана.

— Давайте, вылезайте оттуда. — Дед Мороз Дмитрий протягивал мне руку, стоя у самой кромки растекающейся синей лужи. *Ему бы лодку и весло.*

Я сделала пару шагов и почти уже выбралась, но следующая волна желающих получить игрушки по хорошей скидке, не заметив развернувшейся «красочной» драмы, подтолкнули еще пару банок, которые скатились прямо мне под ноги. Я поскользнулась и с грацией панды, находящейся в стадии сильного алкогольного опьянения, шмякнулась жопой на пол.

Прямо в синюю краску.

Вот уж действительно — вляпалась, так вляпалась!

— Мам, можно вопрос?

За окном падал снег, а ночью, кажется, ударил не слабый мороз. Судя по своеобразным утренним танцам со сребками и щётками соседей вокруг машин, я могла считать себя счастливницей, ведь идти на работу в такую рань мне было совсем не нужно. В принципе, несколько готовых заказов я могла отвезти на почту и завтра.

Сегодня у меня были другие планы: заняться уборкой и поставить ёлку, купленную в «Кузнец да Плотнике» со скидкой в пятьдесят процентов и тысячей извинений в придачу.

— Ну ма-а-а-ам?

Я повернула голову к сыну, который лениво размазывал овсянку по тарелке.

— Сначала кашу скушай, а потом спрашивай.

— А дядя Илья говорит, что настоящий мужчина, чтобы стать сильным, должен кушать больше мяса.

— Дядя Илья, конечно, в чём-то прав, но помни, какие классные овсяные печеньки он умеет печь.

Сашка с большим недоверием посмотрел сначала на меня, затем на остатки каши, пытаюсь понять, как один факт соотносится с другим, а затем глубоко вздохнул и продолжил свой завтрак.

— Так что ты хотел спросить-то, сынок? — опомнилась я уже, когда он у двери взваливал на плечи свой рюкзак и подхватывал сумку.

— Я забыл.

Я не удержалась от того, чтобы закатить глаза.

— По крайней мере, не забудь, что в три часа у тебя футбол. И на всякий случай возьми ключи от дома, — увещевала я. — И позвони, как дойдешь до школы.

— Ну, мам, я уже не маленький, — прохныкал сын.

— Конечно, не маленький. А знаешь почему? Потому что кашу овсяную хорошо кушаешь. — Я улыбнулась, чмокнула сына в щёку (дома, когда никто не видит, он еще позволял мне такие нежности) и закрыла за ним дверь.

Развернувшись на пятках, я огляделась по сторонам.

Фронт работ был просто огромный.

Вчера меня, синюю от краски и злую как сто тысяч чертей, до дома сопроводили на фирменном фургоне строительного магазина. Дед Мороз по имени Дмитрий даже помог занести в дом и ёлку, и обои с клеем, и даже две банки злополучной синей краски. Он не стал комментировать произошедшую оказию, а лишь протянул руку и предложил возместить ущерб за испорченные вещи. Я отказалась, посчитав, что щедрой скидки вполне достаточно. Куртка на мне была старенькая, джинсам тоже шёл не первый год, а вот ботиночки, приобретенные летом по бросовой цене, было немного жаль.

И всё же больше всего пострадала моя гордость и немного попа. Её встреча с твёрдым полом была крайне неприятной и до сих пор отдавала болью где-то в районе копчика.

Ёлка нам с Сашкой досталась шикарная — воспользовавшись ситуацией, мы решили взять дерево аж под самый потолок. Гирлянды и игрушки я заказывала заранее в интернете, так что осталось только установить её и нарядить.

В большой комнате, в правом её углу, оказались сброшены и пока не до конца отсортированы все контейнеры с пряжей, спицами, помпонами и изделиями, которые были либо наполовину связаны, либо полностью завершены и даже упакованы по коробкам.

Моим основным и на данный момент единственным видом заработка было вязание. В основном, шапок, снудов и варежек. Работа эта мне нравилась, и, как и любая другая, хоть немного связанная с тем, что обычно изготавливают дома, началась со случая.

Сашку я тогда водила еще в ясельную группу, ему было около трёх лет. На работу устроилась посменно в супермаркет, но из-за начавшихся больничных и постоянных штрафов за просрочку и недостачи на руки я получала копейки.

— Ты бы хоть шапку ребёнку купила. Прошлогодня ему мала, а в осенней уже холодно, вот он у тебя и болеет, — причитала мама, укоризненно качая головой.

Я молчала, крепко стиснув зубы. Она знала, сколько я получаю, и знала, что рано или поздно снова приду к ней с просьбой помочь деньгами, чтобы купить сыну необходимую для сезона одежду, но сама никогда ничего не предлагала.

Возможно, что мама любила Сашку, но ненавидела меня за то, каким образом в нашей семье он появился.

Так или иначе, в тот раз денег я не попросила, а разбирая шкаф со старыми вещами и параллельно прочёсывая Авито в поисках бросового варианта, я наткнулась на свой старенький синий свитер. Тёплый, но уже не по размеру. Идея пришла как-то сама собой, и тем же вечером я нашла старенькие спицы, распустила свитер, намотав пряжу на ножки перевернутой табуретки, и, вспомнив азы по урокам с Ютуба, за вечер связала сыну простую, но тёплую шапку — и даже на ушки с завязками хватило.

А через пару дней мама одного из Сашиных одноклассников спросила, где я её купила. В общем, история эта с одной стороны случайность и сработавшее «сарафанное радио», а с другой — бессонные ночи, сводящие судорогой пальцы и скандалы с родителями. Количество заказов стало постепенно расти, а когда брат предложил создать страничку в социальной сети и подарил мне телефон, чтобы делать «нормальные фотки», моя известность вышла далеко за пределы города.

Спустя год я наконец-то накопила денег и объявила маме и папе, что мы с Сашкой съезжаем на съёмную квартиру. Они были против и сказали, что когда моя эйфория пройдет, а есть будет нечего, чтобы я не смела возвращаться домой.

Вот так в двадцать два года с четырёхлетним сыном на руках я ушла в свою по-настоящему самостоятельную жизнь.

Ушла навсегда.

Глава 2.2

Телефонный звонок раздался, когда стрелка настенных часов перевалила за двенадцать дня.

Я уже установила ёлку в дальний угол комнаты и начала двигать диван к стене, но так и бросила это дело на полпути.

— Привет, мам. — Снимать трубку хотелось примерно так же, как выплачивать проценты по ипотечному кредиту, но игнорирование могло вылиться в настоящее преследование. И угрозы коллекторов в данном случае показались бы мне милыми увещеваниями по сравнению с нытьём и упрёками Валентины Гусаровой.

— Насть, приезжай и захвати всё, что у тебя там из наличия есть. Мария Ивановна придёт, ей внучке шапка срочно нужна. Девочке пять, она любит жёлтый цвет. И ты уж с ценой не гни как обычно, а то перед людьми неудобно сильно. Серафима Петровна до сих пор обижается, что ты ей скидочку не сделала.

Я дослушала весь монолог до конца и сделала глубокий вдох.

— Привет, мама. Я занята. — Был шанс отделаться короткими строгими фразами. Или нет?

— Занята она! Послушай, что я говорю, приезжай и привози что есть.

Я тяжело вздохнула. Манёвр с занятостью не сработал, и я стала вспоминать, а есть ли у меня что-нибудь из не пристроенных «завершёнок».

— Хорошо, скоро буду. Только у меня совсем немного времени, ладно?

Вместо ответа в трубке послышались гудки.

Горло перехватил неприятный спазм, и я почувствовала, как внутри всё сжимается праведным гневом. Непрошенные слёзы собрались в уголках глаз, но прежде, чем у них появился шанс скатиться по щекам, я взяла себя в руки. *Ничего, всё закончится быстро.* К тому же у меня появилась отличная возможность на обратном пути забежать на почту и отправить все посылки.

Я отправила СМС Сашке, предупреждая, чтобы он сам разогрел суп и не забыл захватить бутсы на тренировку, и поспешила со сборами.

Мой маленький синий Гетц занесло снегом. Зловредная карма настигла меня, еще утром посмеивающуюся над всеми, кто отогревал и расчищал свои машины перед поездкой на работу.

Автомобиль я купила два года назад, сразу после того, как выучилась на права. Сначала мне было очень страшно, но переоценить преимущество мобильности даже в нашем небольшом городке было крайне сложно. Первое время я ездила с большой опаской и только одна — брать ребёнка с собой не решалась. Но потом сын пошёл в первый класс, и одновременно с этим наш тренер по футболу объявил, что занятия переносятся в новый зал, который располагался в спальном районе на другом конце города. Так что пришлось подстраиваться под обстоятельства. Впрочем, не в первый раз.

Спустя десять минут машинка была расчищена от снежной шапки и тонких корочек льда на стёклах. Пальцы на морозе покраснели, и я почти перестала их чувствовать.

Дурная голова — перчатки-то забыла дома!

Встреча с мамой никогда не сулила ничего хорошего, поэтому я нервничала и вела себя очень глупо.

Тронувшись с места, я медленно повернула налево. Наш дом, был похож на букву «П» с парковкой во дворе, которая тянулась вдоль подъездов. Чтобы выехать на большую дорогу, предстояло преодолеть несколько стыкующихся между собой дворовых проездов.

Как раз перед самым первым поворотом направо я мигнула поворотником, повертела головой и уже почти высунулась на дорогу, как слева в меня чуть не въехал огромный внедорожник.

Ещё чуть-чуть — и он съёс бы мне половину машины.

Водитель (конечно, это был мужчина) дал по тормозам и выглянул через окно с пассажирской стороны. Он что-то громко кричал, кажется, матом, и возмущённо размахивал руками, но, сидя в своём укрытии я, к счастью, не слышала ни слова, только наблюдала, как его лицо исказилось в презрительной гримасе, когда он разглядел, что за рулём машины, которую он чуть не раздавил под весом своего УАЗа Патриота, была девушка. Я хотела выйти и извиниться, ведь по невнимательности чуть не попала в свою первую аварию и не испортила день совершенно незнакомому человеку, но он лишь закатил глаза и уже через мгновение дал по газам и исчез.

— Ну и ладно. — Крепче сжав руль ладонями, я всё-таки повернула направо и поехала к маме.

К счастью, больше никаких дорожных эксцессов со мной не происходило. Маршрут от своего нового дома до родительского выучить я еще не успела. В нем не были никаких хитрых перекрёстков и только одно круговое движение, так что уже через двадцать минут, позвонив в домофон, услышала знакомое и недовольное: «*Почему так долго?*»

Исключительно из вредности три этажа я поднималась как можно медленнее и натянула свою самую пластиковую, самую милую улыбку, здороваясь с родительницей.

— Надеюсь, ты принесла то, что я просила? — шепнула мама в прихожей. Ага, значит гостя уже ждёт.

— Угу, — кивнула я, сбрасывая с ног утги и протягивая пакет.

Мама (как обычно) не предложила мне пройти и присоединиться к чаепитию и молча удалилась на кухню. Снимая пуховик, я услышала недовольный писк Марии Ивановны, учительницы химии из нашей школы. Той еще стервы!

— Как же так, Валюш, я ведь жёлтую заказывала! А здесь только одна чёрная, да еще одна полосатая. Моя Сонечка солнышко, а не пчела какая-то.

На кухню я вошла как раз к завершению этой возмущённой речи. Две женщины держали в своих руках по шапке и зло взирали на меня.

— Здравствуйте, Марья Ивановна, — кивнула я. Вежливость прежде всего, а нахамить я всегда успею.

— Настя, я жёлтую шапку хотела, однотонную, — повторила химичка, пытаюсь пристыдить меня, будто я всё ещё её ученица, не понимающая тонкостей химических уравнений.

Я же лишь пожала плечами.

— Давно хотели-то?

— Вчера твоей маме позвонила. Она обещала.

Милая улыбка на моём лице медленно превращалась в злобный оскал. Я забрала черно-жёлтую в полоску «бини» с таким же пёстрым помпоном из енота из рук химички.

— Ну, раз мама обещала, с неё и спрашивайте. У меня из свободных только вот эти две. Хотите, я примерю? — И с этими словами водрузила шапку себе на голову. — Ну как вам?

Модель универсальная — подойдет на голову любой формы и почти к любой верхней одежде. Сидит плотно, не продувает.

Женщины смотрели на меня как на клоунессу, которая вот-вот начнёт показывать фокусы с зайцами — до того лица у них были комичными. Правда, они же быстро взяли себя в руки. Понимая, что никакого другого выбора я им дать не смогу, начались традиционные торги за цену.

— Насть, за тысячу вот эту чёрненькую отдашь? — Марья Ивановна выхватила второй экземпляр из рук мамы и спрятала на своих коленях под спускавшейся со стола скатертью.

— Разве мама не предупреждала о цене? Я вам за тысячу могу от шапки только помпон отстегнуть, и то считайте, дешевле себестоимости отдам.

— Настя, почему ты меня позоришь перед коллегами? — Мама не выдержала и взмахнула рукой от негодования, задев чашку с горячим чаем.

Та опасно накренилась и завалилась на бок, расплескав напиток на скатерть, на юбку гостыи и на бедную, ни в чём не повинную шапку. Марья Ивановна вскочила с места, сбросив изделие с колен на пол.

— Валюш, ты, конечно, извини, но Настька у тебя совсем от рук отбилась, — причитала химичка, вытирая свой наряд кухонным полотенцем по дороге до прихожей. — Я еще в восьмом классе-то сказала, что толку из нее не будет, как только Лёшка за ней ухаживать стал, а она крутила перед ним своим хвостом и ничего не стеснялась. И ведь права была, ох, как права! А шапку мы сами купим, — продолжала она, натягивая тяжёлое пальто с воротником, отороченным лисьим мехом, — в Детском Мире, в новом торговом центре. Там этих шапок навалом, а вот репутацию уже не вернёшь.

С этими словами за ней захлопнулась дверь, и наступила зловещая тишина.

Глава 2.3

Тонкая струйка чая всё ещё стекала на пол и падала прямиком на мой труд. Я быстро наклонилась и подняла отяжелевшую от влаги шапку с тоской отмечая, что помпон оказался смятым и промокшим, а пряжу использовать на продажу после такой катастрофы мне не позволит совесть.

Ладно, ничего страшного, свяжу себе что-нибудь на весну, а помпон высушу и к Сашкиной приделаю, если он, конечно, сильно протестовать не будет.

— Что ты натворила, а? — Мама, которая наконец-то отошла от шока, вернулась на кухню. — Это же твоя учительница и первая сплетница в школе. Ты понимаешь, что теперь люди скажут?

Еще пару лет назад эти слова действительно могли бы пристыдить меня за грубое поведение, но из раза в раз ситуация повторялась. Мамины подруги-просительницы становились всё наглее и считали, что я была всем вокруг обязана, лишь потому, что они меня учили уму разуму целых десять лет, а я опозорила школу и их колоссальный труд на глазах у всего города.

Моя броня толстела, ответы на все претензии становились если не откровенно хамскими, то завуалированно невежливыми, а до мамы никак не доходило, что помыкать мною как прежде больше не получится.

— Я понимаю, что тебе в очередной раз очень захотелось меня унижить. Это всё.

— Ах, ты, — она замахнулась, но я сделала шаг назад, и рука лишь полоснула по воздуху, — неблагодарная!

— Такой ты меня и вырастила. Прости, но спасибо тоже говорить не стану, уж как есть.

Остаться тут мне было незачем. Разговора по душам снова не выйдет. Наскоро сунув ноги в угги и накинув пуховик, я подхватила рюкзак и вышла из родительского дома, не прощаясь. Впрочем, дверью тоже хлопнуть не стала. Не умела я прощаться громко и скандально, всё еще надеясь на возможное перемирие между нами.

У родителей я пробыла недолго, возможно, около пятнадцати минут, а казалось, что целую вечность. В куртке раздался звонок мобильного. Сашка позвонил предупредить, что уже вернулся домой и кушает, а потом будет собираться на тренировку.

Удивительно, что в восемь лет мой сын уже был таким самостоятельным мальчишкой. Я всегда была дома у него на виду, и он мог в любой момент обратиться за помощью, но начиная с пяти лет, он почти все поделки для сада делал сам. Они получались смешными и не очень аккуратными, часто разваливались и расклеивались, но он упорно продолжал всё делать самостоятельно.

То же самое повторилось и с первого дня школы. Я проверяла его уроки, иногда находила ошибки и предлагала ему помощь, но он лишь кивал головой и никогда ни о чём не спрашивал.

Мне было жаль своих родителей, которые так и не смогли полюбить внука, и в тоже время я была бесконечно рада, что у меня был брат, готовый тратить на племянника всё своё свободное время. Я подозревала, что от него он и научился этой политике «Я всё могу сам», но жаловаться не имела права. У нас не было никого кроме Ильи.

— Саш, я отвезу заказы на почту и заеду в магазин пряжи. Если не вернусь к твоему приходу, разогрей ужин и делай уроки, хорошо?

— Конечно, мамочка, — ответил он и положил трубку.

Быть мамой почти всегда было непросто, но в такие моменты, когда Сашка называл меня «мамочкой» или перед сном приходил чмокнуть в щёку, я понимала, что всё делаю правильно.

Когда я вернулась домой, было около восьми вечера и в квартире стояла подозрительная тишина.

Такая бывает, когда вы случайно оставляете маленького ребёнка посреди комнаты с новым набором фломастеров и свеженьким альбомом, минут двадцать наслаждаетесь тишиной и кофе, а потом вдруг осознаете: что-то пошло не так.

Тишина в квартире с детьми — это первый признак надвигающейся катастрофы.

Неважно — восемь месяцев ребёнку или восемь лет. Неважно — мальчик это или девочка. Не важны ни количество детей, ни цвет их глаз или волос.

Я прошла на кухню и отметила, что даже грязной посуды в раковине не осталось. Тарелка и чашка стояли вверх дном на полотенце, расстеленном рядом с раковиной.

— Саш? — Я позвала сына и услышала, как тот закопошился и поспешил ко мне.

— Да, мамочка? — Ребёнок оказался передо мной уже через пару мгновений. Он стоял, отведя руки за спину, слегка дергая плечами и постоянно вертел головой, словно пытаюсь понять, что натворил.

Хм. Быстро прибежал, на меня не смотрит, явно нервничает. Здесь точно что-то не чисто.

— Сынок, ты уроки на завтра сделал?

Наконец-то он поднял голову и интенсивно замахал ею вверх-вниз.

— Да, и математику, и русский. А больше ничего не задавали. По английскому тетради забрали и пока не отдали, мам.

Он оттарабанил всё это на одном лишь выдохе и уже готов был слинять по каким-то одному ему понятным и важным делам.

— Ты погоди, присядь. Чаю хочешь? Я принесла маленькие сникерсы.

Сашка покачал головой, что было странно. Чай он любил, особенно с конфетами.

— Как на футболе дела? Я не успела тебя отвезти, извини, бабушка задержала меня, а потом на почте и еще...

— Всё хорошо.

Я вопросительно приподняла бровь. Сашка обожал футбол и мог рассказывать про свои тренировки и успехи если не часами, то как минимум минут пятнадцать без перерыва. Он всегда подробно описывал, как и кому отдавал пас, сколько было упущенных возможностей для гола, и обещал, что обязательно забьёт в следующий раз.

Несмотря на наш переезд и смену учебного заведения, к спортивной школе, где у него проходили занятия, мы, наоборот, переместились гораздо ближе, так что теперь я могла отпускать его одного, практически не переживая. По пути была лишь одна дорога, но со светофором. Я просто всегда просила его позвонить мне и сообщить, что он успешно добрался до места.

— Что ж, можем попробовать сегодня настроить приставку. Ты её распаковал? — Я встала со стула и собиралась сделать шаг в сторону большой комнаты.

— Нет! — Сын вскочил с места, немало удивив меня.

Я уже собиралась спросить, не сломал ли он свою любимую Play Station, подаренную Ильёй на прошлый новый год, как из большой комнаты послышался весьма отчётливый шум. Как будто что-то упало.

«Кот», — подумала я, вспоминая, как сын пару раз намекал на то, что было бы здорово завести домашнее животное, ведь теперь это наша собственная квартира и места тут очень много. Неужели принёс с улицы? Я быстрыми шагами направилась в сторону гостиной, настежь распахнула дверь и замерла на месте как есть.

Из-за нашего старенького дивана, который мы перевезли сюда со съёмной квартиры, на меня смотрели две пары испуганных девчачьих глаз.

— Мам, я всё объясню! — Сашка выскочил вперёд и встал между мной и неожиданной находкой.

А я вдруг подумала, что лучше бы он принёс домой кота.

Не знаю, как именно я выглядела в этот момент — возможно, моё лицо выражало крайнюю степень удивления и шока, — но первое чувство, захватившее меня при виде чужих детей в своей квартире, — паника.

Очевидно, что их привёл Сашка, но кто эти девочки? Откуда они взялись? И самое главное: какой срок сейчас дают за сокрытие несовершеннолетних?

Вообще-то мой отец и дедушка Сашки, Алексей Александрович — полковник в запасе и следователь. Уважаемый человек в самых высших кругах города. Он вхож в кабинеты не только власть имущих, но и водит с ними близкую дружбу. Даже не представляю какой переполох поднимется, если его дочку посадят в тюрьму по обвинению в похищении детей.

Интересно, а за это могут дать реальный срок?

Я поморщилась от одной лишь мысли, рисуя в воображении типичную камеру с нарами и парашей, прямо как в сериале «Бригада», только с матёрыми тётками в синих рабочих халатах и белых косынках, завязанных под затылком.

— Мам? — Сашка помахал перед глазами своей раскрытой пятернёй

Сашка! Родной мой! А с ним-то что будет, если я вдруг окажусь в тюрьме? Придется просить Илью оформить опекунство. Меня-то родительских прав точно лишат. Главное, чтобы сына не поставили на учёт.

— Ну, ма-а-а-ам! — Сын осторожно взял меня за руки. — Мамочка, не злись пожалуйста, это я девочек привёл, они не виноваты.

Его холодные, как ледышки, пальцы, вернули меня в реальность, оставляя первые волны панической атаки позади. Я моргнула, прогоняя плывущую перед глазами ёлку, и снова посмотрела на спинку дивана, из-за которой торчали две макушки и две пары глаз — одни любопытные и изучающие, вторые испуганные.

— Выходите, ваше укрытие раскрыто, — произнесла я как можно мягче.

Их действительно было двое. Две девочки на вид лет восьми и четырёх. Симпатичные и, кажется, прилично одетые. Я прикусила щёку изнутри, чтобы не застонать от мысли, не станет ли их количество отягчающим обстоятельством при оглашении приговора.

Они встали как два солдатика. Та, что постарше, вопросительно смотрела то на Сашу, то на меня, а маленькая вцепилась в её джинсы и опустила глаза, с интересом изучая свои яркие полосатые носки.

Я прочистила горло.

— Давайте вы присядете и всё мне расскажете.

Дети уселись на диван, и мне стало не по себе. Я словно возвышалась над ними и нависала. Так дело не пойдёт. Оглянувшись, я заметила в углу старенький стул, который по доброте душевной здесь оставили предыдущие владельцы, подтащила его, проверила на прочность, качнув пару раз из стороны в сторону, и присела.

— Что ж, — начала я неуверенно. — Саш, может быть, ты познакомишь меня со своими гостями? Ведь ты их привёл, я всё правильно понимаю?

Сын кивнул и посмотрел на девочек с мягкой ободрительной улыбкой. Ох, этот мальчик так легко перенимает поведение моего братишки Ильи и может вырасти тем ещё сердцедом.

— Мам, это Катя. — Он махнул рукой в сторону старшей девочки, которая тут же

подняла голову и посмотрела прямо мне в глаза. У неё были тёмно-русые волосы и яркие большие зеленые глаза в серую крапинку. — Она моя одноклассница. Ей восемь лет. А это её младшая сестра, Вероника.

Малышка, в отличие от своей сестры, не рискнула пялиться на незнакомую тётю и медленно прошлась по мне внимательным изучающим взглядом. Вероника была очень похожа на Катю, только волосы, заплетённые в две косички, были на несколько тонов светлее, и казалась она более робкой и стеснительной.

— Так, и ты решил пригласить одноклассницу в гости? — логично спросила я, надеясь услышать положительный ответ.

— Не совсем.

Повисла пауза. Я запретила себе снова паниковать и ждала объяснений. Ждала, пока Сашка сформулирует свою мысль, чтобы попытаться выгородить и себя, и обеих девочек, потому что для них, кажется, это было важно. Но прошла пара минут, и я сдалась.

— Просто расскажи мне как всё было, ладно? А я постараюсь придумать, что с этим делать.

Сын кивнул и, сомкнув ладошки в замок, неуверенно начал свой рассказ.

— Я шёл домой после футбола и встретил Катю. Она пришла в садик за своей сестрой вместе с... их няней и стояла у калитки, ждала их. А потом появилась женщина с Вероникой, которая плакала. Та тётя была реально ужасной, мам. Она тащила девочку за руку практически силой, дёргала её и что-то кричала, а потом...

— Потом я оттолкнула Анжелу в сугроб, схватила сестру, и мы убежали! — не выдержала старшая из сестёр и выкрикнула это, с гордостью задрав носик

Кажется, что новой волны паники избежать будет крайне сложно.

Глава 3.1

И всё же объяснение сына не звучало выдуманым, а Катя выглядела очень воинственно. Видимо, женщина действительно очень жестоко обращалась с младшей, раз дети решили от нее смыться.

— И ты позвал девочек к нам? — спросила я у Сашки.

— Да, мы как раз пробежали мимо нашего дома, и я просто достал ключ, и впустил их сначала в подъезд, а потом и к нам.

В конце сын тяжело вздохнул и опустил голову в ожидании наказания за свой проступок. Он знал, что нельзя приводить незнакомых людей в квартиру без разрешения. Я проговаривала с ним это условие несколько раз, когда в прошлом году выдавала ключи еще от съёмного жилья, страдала, что нас могут выгнать на улицу и нам придётся снова ехать жить к бабушке и дедушке (да, не лучший мой родительский ход, но зато действенный).

Вот только здесь дело было не в непослушании, а в его обострённом стремлении защитить всех, кого обижают. Так что вопрос с наказанием подлежит рассмотрению, а нахождение чужих детей в квартире — та задача, с которой стоило разобраться в первую очередь.

— Итак, — я повернулась к девочкам, — Катя и Вероника?

Девочки одновременно кивнули, но младшая по-прежнему не поднимала глаза и цеплялась теперь уже за руку сестры.

— Где ваши вещи? Вы же не пришли с улицы прямо так?

— Всё там. — Сашка снова ответил за них, указывая пальцем за спинку дивана.

Ну, конечно! Могла бы и сама догадаться.

— Хорошо. Думаю, что теперь, когда вы уже немного отошли от произошедшего у детского сада, стоит подумать о том, как вернуть вас к родителям.

— Нет! — Громкий протест Кати эхом отскочил от стен комнаты.

Я нахмурилась, ведь нечто подобное не входило в мои планы. Этот день не мог стать еще хуже, чем уже был. Стрелки часов показывали почти девять вечера, и девочек уже наверняка хватились дома, ищут их, звонят на телефоны... Точно! У младшей вряд ли, но у старшей-то...

— У вас есть телефоны? — слова опередили мысль. — Мы же можем связаться с кем-то из...

— Я же сказала, НЕТ! Я не хочу домой и не пойду!

Катя запыхтела и вцепилась пальцами в диван, словно я собиралась отрывать её от него силой и выталкивать из квартиры тоже силой. Её щёки покраснели от злости, а губы вытянулись в тонкую прямую линию.

Честно говоря, мне хотелось решить вопрос миром, а не истериками и слезами. Меня не покидало чувство, что девочки действительно не очень-то и хотят домой, возможно, из-за той самой женщины, которая обидела Веронику. Не представляю, что испытывала эта малышка, когда няня тащила её за руку по улице.

Да и наш диалог стоило начать с чего-то другого. Например, с нормального знакомства, и, может быть, тогда старшая сестра сможет довериться мне и сказать чуть больше.

— Думаю, что мы начали немного не с того. Давайте я тоже представлюсь. Меня зовут Настя, и я мама Сашки. — Я протянула руку Кате, и она нерешительно приняла её и

пожала. — Вы правда одноклассники? Он ведь недавно перешёл к вам в школу.

Девочка кивнула и посмотрела на моего сына. Сашка несмело улыбнулся и тоже кивнул в знак одобрения.

— И как у него получается? Учителя не ругаются? Говорят, что скоро будет родительское собрание, и мне бы не хотелось краснеть с первого же раза.

— Ну ма-а-ам...

— Нет, он... хорошо справляется, и Елена Анатольевна его в основном хвалит.

— В основном? — Я улыбнулась. — Что ж, хорошо. А ты как учишься? Радует родителей хорошими оценками?

Катя еще раз кивнула, и даже Вероника как-то ожила и впервые заговорила.

— Папа хвалит Катюфу за пятёвки. — Малышка улыбнулась, глядя на старшую сестру, и та немного смягчилась от этого.

— Правда? Девочки, — я решила, что, возможно, пришло время спросить о том, что действительно важно, — как думаете, ваши мама и папа сейчас волнуются за вас? Может быть, ищут и переживают? — Катя метнула на меня удивлённый и перепуганный взгляд. Кажется, теперь она действительно поняла, о чём я говорю.

— Папа будет очень ругаться, — тихо прошептала она.

Будет. Обязательно будет. Но сначала заобнимает девчонок и обрадуется, что с ними всё в порядке. А потом уже поругает.

Я не стала уточнять, почему они говорили только про отца и пока еще ни разу не упомянули маму, главное было как можно скорее сообщить ему, что его дети в полном порядке и в безопасности.

— Так, есть ли у тебя телефон?

Катя отрицательно покачала головой.

— У меня есть часы, я с них обычно звоню, но там разрядилась батарейка, так сейчас они бесполезны.

И воспользоваться нашей зарядкой Сашка предложить не догадался.

— А телефон папы ты наизусть помнишь?

— Нет, — шепнула девочка.

Плохо. Очень плохо.

Я непроизвольно подняла руку и потёрла шею, не представляя, что делать в такой ситуации и как отвести девочек домой к родителю, чьего телефона они не помнят наизусть. Я заставила Сашку выучить не только мой мобильный, но и брата — на всякий случай. Мне, конечно, стало немного спокойнее от того, что он теперь живёт недалеко от нас, но всё же я просила Илью сообщить, если он вдруг решит сменить номер.

— Мама, — Сашка внезапно подскочил ко мне и взял за руку, — мы можем проводить Катю и Веронику до дома, они тут рядом живут.

— Это правда? — Я повернулась к девочкам и те активно закивали головами. Кажется, чувство вины перед отцом всё же взяло верх, и теперь Катя не собиралась спорить. — Вы знаете и номер дома и квартиры? — Еще один уверенный кивок.

— Это рядом, по соседству.

Что ж, выбора у меня не осталось.

— Тогда давайте вернём вас домой? — Я встала со своего стула и дети поднялись на ноги вслед за мной. Мы достали их одежду, обувь и рюкзаки из-за дивана, когда меня осенило, что я не спросила имени их родителя. Нужно было срочно исправляться. — А папу

вашего как зовут?

— Дима. Дима Плотников, — ответила Вероника, впервые посмотрев прямо на меня и улыбнувшись.

Чтобы собрать троих детей, ушло ровно в три раза больше времени, чем на одного. Не знаю, как справляются воспитатели в детских садах с оравой в двадцать, а то и больше человек. Святые люди — не иначе.

Надевая шапку Веронике на голову (Сашку и Катю я выпроводила в подъезд, чтобы не толпиться в прихожей), я убрала ее чёлку со лба и выпустила косички вперёд. Затем натянула снуд и поднялась на ноги, довольная результатом, но не временем, которое было потрачено.

— Вот так, а теперь варежки доставай, и пойдём.

Она сунула свои ручки в карманы, и детское личико в мгновение стало озадаченным. Ладонки явились обратно на свет без добычи.

— Потерялись. — Её голос звучал очень грустно.

Девочка сжала свои пальчики и разжала снова, словно показывая, что ничего не выйдет и ладонки на морозе обязательно замёрзнут. Но идти-то было недалеко, так что едва ли это возможно, и всё же... Поразмыслив пару секунд над этой неурядицей, я махнула рукой.

— Не расстраивайся, Вероника. У тёти Насти дома всегда есть запасные варежки. — Я подмигнула и, скинув угги, бросилась в большую комнату к одному из контейнеров.

Вообще, варежки я вязать не очень любила, а детские так и тем более. И всё же было у меня две или даже три тестовые пары, в которых я то ряд в рисунке пропускала, то большие пальцы на разной высоте выстраивала. Я вовсе не как тот самый сапожник без сапог, и возможности протестировать свои изделия на себе или сыне (и даже на брате) я никогда не упускала.

У Вероники был бело-розовый комплект из шапки и снуда, и подобрать для нее что-то в цвет я не могла. Пришлось ориентироваться на размер. Самыми маленькими были варежки из зелёной пряжи с вплетениями нитки мохера. Теплые и пушистые. Узор на них «поехал» с пятого ряда, и вместо ромбов получился кавардак. Лежали уже года два — на продажу не годились, а распускать жалко, так много времени на них потратила.

И вот же, пригодились.

— Держи. — Я протянула находку Веронике, которая тут же стала натягивать их на свои ладонки.

— Спасибо, тетя Настя. — С этими словами она вышла из квартиры, где недовольная Катя уже причитала о том, почему мы так долго. И дальше всей толпой мы погрузились в лифт, который доставил нас на первый этаж.

На улице творилось волшебство. Сказочные крупные хлопья, такие большие, что казалось, одной снежинкой можно залепить глаз, падали с неба, закручиваясь в причудливые танцы. Такого снегопада в этом году еще не было. Снег ложился тяжелыми сугробами, и детвора не спешила уходить по домам, пока не налепит удовлетворительное количество снеговиков и укреплений. С одной стороны шла войнушка, с другой — соорудили снежно-ледяную горку, а с третьей приделывали морковный нос к очередному красавцу из трех белых снежных шаров и палок.

— Горка!

Вероника с восторгом смотрела на тех детей, которые скатывались вниз с визгами и криками, затем поднимались на ноги и, загребая охапки снега в свои сапоги, неслись в

очередь, чтобы повторить подъём и спуск. Честно говоря, если бы не обстоятельства, я бы и сама с удовольствием сейчас забралась на это чудо и прокатилась на ледянке, но у нас определённо была цель — довести девочек до дома и вернуть их родителям.

— Я хочу на горку! — в противовес моим мыслями малышка указала зелёной варежкой в нужном направлении.

Я вздохнула.

— Вероника, давай мы сначала отведём вас с сестрой домой, а завтра вы придёте и покатаетесь. Горка не растает, а ломать её точно никто не решится. — Я старалась быть твёрдой и убедительной, но в свете уличный фонарей, мигающих в окнах от первого до десятого этажа гирлянд и под натиском метели я сдалась.

И буду гореть в Аду.

Это было плохое решение, стоило проявить больше стойкости, но разве можно отказать ребёнку, который смотрит на тебя *так невинно*. Вероника едва ли понимала, в какой панике сейчас находятся родители. А я понимала, но не смогла противостоять ее просящему взгляду.

— Только один раз, — едва успела крикнуть я в спину убегающему вслед за девочкой Сашке и нахмурилась от собственной слабости и глупости.

— Не переживайте, ей никто не может отказать. Даже папа. — Катя предприняла попытку меня успокоить.

Поэтому я и решилась задать следующий вопрос.

— Ты уже несколько раз сказала только про папу. Я не хочу показаться любопытной, но вы живёте только с ним?

В ответ девочка лишь кивнула. Моё любопытство возросло, но всё же я постаралась подавить его в зародыше и не дать еще большему количеству неуместных вопросов вырваться наружу.

Если у девочек был только папа, то существование няни было вполне логично. Жаль, что между ними произошла эта неприятная ситуация. Хоть это и не моё дело. *Совсем*.

Вероника и Сашка, счастливые и довольные, подбежали к нам после своего фееричного парного проката с горки, и мы наконец-то выдвинулись в сторону, которую девочки указали.

Идти действительно было не долго. Их дом располагался сразу за нашим, и мы быстро нашли нужный подъезд. Катя достала ключ, пропуская всю компанию внутрь к лифту. Жили они на пятом этаже, в квартире номер двадцать три. Эти цифры-мелочи я запоминала автоматически — просто привыкла к подсчёту петель и рядов.

Подойдя к двери, девочки замерли на месте и неуверенно переминались с ноги на ногу.

— Катя, у тебя же ключ в кармане. Попробуй открыть.

Она послушно сунула его в скважину, но повернуть не удалось. Значит, дома кто-то был. «*Какая удача!*» — подумала я и нажала на звонок. Рано радовалась.

Дверь открыла шикарная высокая блондинка с остатками красной помады на губах и едва размазанной тушью под глазами.

— Вот вы где, мелкие негодницы, — взвизгнула она словно сирена, и девочки спрятались за моей спиной, вцепившись пальцами в пуховик.

— А ну марш сюда! — скомандовала женщина еще раз, сделав шаг из квартиры в подъезд, предусмотрительно придерживая тяжёлую и добротную стальную дверь.

Вероника и Катя не собирались выглядывать из своего укрытия, которым оказался мой совсем не выдающийся тыл, поэтому блондинка в первую очередь наткнулась своим возмущённым взглядом на меня.

Я решила быть вежливой. Должна же была попытаться.

— Простите, мы ищем папу девочек — Дмитрия, или их няню — Анжелу, э-э-э... отчества, к сожалению не знаю. Может быть, вы подскажите...

— Няню? Няню Анжелу?! Катя, мерзкая ты зараза, это ты этой стерве сказала, что я ваша нянька? Я его девушка! Почти невеста!

— В твоих мечтах, — тихо огрызнулась Катя, чем вызвала мою ехидную улыбку.

К сожалению, Анжела — не то няня, не то девушка, не то не пойми кто — услышала это явное оскорбление ее белобрысого достоинства и сделала еще один выпад вперёд. Она вытянула руку с длинными красными ногтями и попыталась вытащить старшую сестру из-за моей спины. Но у нее не вышло, потому что мы шагнули назад и оказались почти у лестничного пролёта.

Да уж!

Сирена не захотела покидать своего укрытия и отступила, а из-за неплотно прикрытой двери послышался собачий лай. Я вопросительно приподняла бровь и с интересом уставилась на сестёр.

— Это не Анжела. Это Сонька — наш бигль.

— Конечно, я так и подумала.

Блондинка тем временем делала что-то действительно логичное — звонила «Димочке-солнышку».

— Димочка, девочки вернулись... Их какая-то ненормальная привела и домой не пускает... может, денег хочет, я не знаю... Конечно, я задержу её...

На этом поток бессмыслицы закончился, и наступила долгожданная тишина, которую сопровождал лишь ветер, гуляющий в подъезде из-за приоткрытых форточек через этаж или два. Никто не пытался нас задержать, и по большому счёту мы все могли уйти, даже не пожелав блондинке спокойной ночи.

— Значит, Анжела — няня? — На троицу я смотрела со смесью укоризны и порицания.

— Ну... технически, сегодня она была в роли няни, — засопела Катя и сложила руки на груди, пока Вероника решила присесть на ступеньках.

Мне пришлось снять свой пуховик, чтобы отдать ей его. К младшей сестре присоседилась и старшая, а я с интересом рассматривала Сашку, который раньше в такие передряги не впутывался.

Когда они мне рассказали про няню Анжелу, единственная, кто мог прийти на ум — Анжела Олеговна из сериала «Солдаты». Добродушная старушка, божий одуванчик, с такими очками, что они могли разжигать костёр даже зимой — такие там были диоптрии. А не вот это вот всё — с бесконечными ногами, ярким макияжем и идеальным блондом на голове совершенной формы. Их отец — олигарх, что ли? Такие девушки, как Анжела «не няня», обычно ведутся на мужчин с тугими кошельками и большими... кхм... мозгами.

— Ну и кто из вас решил, что разыграть ремейк «Ловушки для родителей» — это хорошая идея? — Я хотела устроить допрос с пристрастием, пока подозреваемые в полном составе были передо мной и, кажется, начали осознавать меру своей вины.

Но никто из них не успел ни в чем признаться.

Мы услышали, как открылась дверь подъезда — не в первый раз, но как-то резко и наотмашь грохнулась о стену. Если магнитный замок домофона не будет сорван — я удивлюсь.

До нас донеслись гулкие шаги и тяжёлое дыхание, резкие непечатные фразы, и спустя полминуты показалась заснеженная макушка мужчины. Еще через секунду Дмитрий Плотников обнимал своих дочек, забрав каждую из них в огромную лапищу.

— Девочки мои, — выдохнул он. — Ну, где же вы были?! Я чуть с ума не сошёл!

Он оторвался от них и стал рассматривать поочерёдно сначала Веронику, а затем и Катю, ощупывая с ног до головы и обратно, чтобы убедиться, успокоиться и поверить, всё в порядке. Живы, целы и даже не плачут, если только чуть-чуть от радости.

Я отошла к стене и Сашку спрятала за собой, чтобы не лез. И уже хотела прочистить горло и дать о себе знать, как Ангела вышла из своего укрытия.

— Димочка, это вот она, — блондинка направила на меня свой отвратительный красный ноготь, — она их привела и сказала, что будет разговаривать только с тобой!

«Димочка» наконец-то переключил своё внимание с дочерей сначала на Анжелу, а затем и на меня. И от этого взгляда хотелось провалиться на все пять этажей, до самой подъездной двери. И бежать.

Уставшие, налитые кровью зелёные глаза только что не пригвоздили меня к бетонной стене.

— Кто ты? — рыкнул он и сделал шаг в мою сторону.

Катя вскочила с места и что-то сказала, но её слов не слышали ни я, ни мужчина напротив.

— Кто ты такая и что тебе от нас нужно? Деньги? Сколько денег? — Еще один шаг — и расстояние между нами сократилось до минимума. Он схватил меня за руку, слишком сильно сжав пальцы. Его огромная ладонь кольцом сомкнулась у меня на плече. Уверена, будут синяки.

Теперь я смогла видеть, каким он был. Высоким. Сильным. Злым. Очень привлекательным, если мы говорим про мужчину, в том самом первобытном смысле этого слова.

Но сейчас передо мной в первую очередь стоял отец.

И я понимала его страх за собственных детей и беспомощность от осознания того, что как родитель ты крупно облажался. Он не мог предотвратить случившегося и всё равно винил только себя.

Я понимала и позволила незнакомцу высвободить весь гнев на мне, не на детях, но сцена получалась отвратительной. А когда терпеть боль сил не осталось и короткий всхлип вырвался наружу, из-за моей спины вышел Сашка и встал прямо передо мной.

— Отпустите маму. — Его маленькие пальцы попытались оторвать отца девочек от меня. — Это я позвал Катю и Веронику к нам. Это на меня вы должны сейчас кричать!

Слова эхом пронесли по тамбуру этажа и растворились в наступившей тишине. Хватка на плече ослабла, и Дмитрий сделал шаг назад.

Вдох-выдох и одна секунда для единственно верного решения.

Взяв Сашку за руку, я кинулась вниз по лестнице. Ребёнок едва поспевал за мной и чудом не споткнулся.

Лишь на улице я поняла, что мой пуховик так и остался лежать бетонных ступеньках.

Что-то было не так.

Тишина вокруг меня сжималась тугим кольцом, кожа горела, голова раскалывалась. Это уже был не сон — агония.

— Мам. — Тихий шёпот пробивался откуда-то издалека, слишком глухой и неуверенный. Обладатель этого голоса потряс меня за плечо. — Мамочка, мы проспали.

Правда?

В такие моменты герои любого фильма обычно резко открывают глаза, садятся в кровати и начинают носиться по квартире, словно укушенные бешеной собакой в самое мягкое место. Наверное, я могла бы повторить этот трюк, но споткнулась уже о первое действие. Простая попытка открыть глаза оказалась провальной, потому что вокруг меня была чернота. Только спустя несколько мучительных мгновений пришло понимание, что во сне я умудрилась скрыться под одеялом с головой.

Меня трясло от озноба, а кожу облизывало пламенем, вероятно, из-за температуры. Кости ломало, суставы выкручивало, хотелось снова уснуть и перестать испытывать это отвратное состояние.

Потихоньку спустив с головы одеяло, я все же приоткрыла один глаз — часы показывали двадцать минут девятого. Обычно в это время Сашка уже надевал шапку и рюкзак, махал мне рукой и уходил в школу, а сейчас растерянный, заспанный и обеспокоенный смотрел на меня, сидя на краешке надувного матраса.

Он как-то по-взрослому приложил свою крохотную ладонь к моему лбу и тут же отнял, прижав к груди, будто ошпарился.

— Думаю, что школу пропускать не стоит, Саш. У тебя минут десять, чтобы не опоздать на уроки. — Мой голос звучал так, словно наждачка царапала о пенопласт, но всё же я хотела успокоить ребёнка, которому эти переживания ни к чему.

— Но ты заболела, — констатировал сын.

— Ничего страшного, лекарства сейчас найду, а ты давай поторапливайся, контрольная по математике сама себя не напишет.

Сын недоверчиво посмотрел на меня и не собирался отступить. Мой маленький заботливый мужчина.

— Это из-за папы Кати и Ники! — Не вопрос, а обвинение.

— Саш, я так не думаю. Скорее всего, вчерашний вечер ни при чем. Я ещё в магазине, когда мы покупали ёлку, сняла куртку, чтобы в машине ничего не испачкать, так что, скорее всего, простыла уже тогда.

На этом я указала ему взглядом на электронные часы, как бы намекая, что время для споров окончено. Сыну потребовалось семь минут, чтобы собраться. Я же выскребла себя из кровати, положила ему с собой банан и пирожное Барни вместо нормального завтрака. — Пожалуйста, повтори слова перед английским и внимательнее на математике, — сипло напутствовала я, мысленно готовясь весь день молчать из-за саднившего горла.

— Йес, оф коз. — Саша отсалютовал и скрылся за дверью, торопливо топя по лестнице на первый этаж.

Оставшись в одиночестве, я почувствовала, как жар снова расползается по телу. Недолгая передышка в виде слабой утренней активности стала лишь иллюзией.

Конечно, как и у любой мамы у меня всегда была под рукой аптечка первой необходимости с градусником, горчичниками и жаропонижающими средствами.

Моих физических сил хватило лишь на то, чтобы измерить температуру (и убедиться в том, что она превысила значение 39) и выпить лекарство. После этого я снова свернулась калачиком на своём матрасе и до самого носа укуталась одеялом. Спасительный сон, к счастью, пришёл быстро.

Разбудил меня телефонный звонок. На экране высветилось "Илья", и я сморщила нос от необходимости что-то говорить.

— Поверить не могу, ты заболела! — Жизнерадостный возглас брата мог раздражать в любое время дня и ночи. Часы показывали почти двенадцать дня, а это значило, что скоро у Сашки занятия в школе закончатся. Скорее всего, именно он доложил дяде про то, что со мной приключилось.

— Алло, Настюха? — Братец никогда не церемонился, если речь заходила обо мне. — Хочешь я приеду и приготовлю тебе покушать?

— Капкейки и зефирки болеющим не помогают, — съехидничала я.

— Таблетки и микстуры на ведьм не действуют, — ответил самодовольный кретин, который по воле судьбы оказался моим родственником. — Готов поспорить, что и выглядишь сейчас соответствующе. Привезти тебе остроконечную шляпу? Ты её с Хэллоуина у меня забыла.

Я закатила глаза из-за этих бесконечных подколов с его стороны, но что уж тут поделаешь.

— Илья, я просто хочу... Ааапчхи... Ой... — Выговорить мне помешал приступ чихания и насморк. Какой кошмар. В зеркало с утра силы посмотретья не было, но я и без этого представляла, что выглядела весьма своеобразно.

— Да-да, я понял. И все же, если что-то нужно, ты, пожалуйста, напиши или сообщи, — сказал он уже совершенно серьёзно. Илья пожалуй единственный в моей жизни человек, который готов прийти на помощь в любую минуту. — Хочешь, я Сашку на выходные к себе заберу, чтобы ты его не заразила случайно?

— Твоя Олечка этого не переживет. Вы засядете в PlayStation до утра, а потом она позвонит мне и пожалуется. Так что увольте, не нужно мне таких одолжений, — хихикнула я, снова заходясь чиханием.

— Она съехала от меня ещё на прошлой неделе, — ответил брат, — сказала, что не может жить в каморке, где постоянно пахнет шоколадом и марципаном.

Оу! Вообще-то мой брат золото среди мужчин. Красивый, высокий, умный, рукастый и еще — он готовит невероятные десерты! Но ему катастрофически не везёт с женщинами. Его впечатляющая внешность привлекает исключительно стерв с завышенным ЧСВ. При первом знакомстве все они уверены, что Илья распоряжается если не миллионами, то сотнями тысяч рублей, а когда сталкиваются с жестокой реальностью и весьма скудной жилплощадью — бегут, аж пятки сверкают. Даже каблуки забывают натянуть.

Старший братец так же, как и я, не оправдал ожидания родителей, и так же, как и мне, ему досталась часть бабушкиного наследства, которую он решил потратить на открытие собственной кондитерской. Видимо, Олечка не приняла его идею и рассчитывала на расширение квартиры и новенький айфон.

— Думаю, что мы с Сашкой справимся, но спасибо за предложение.

— Ну как знаешь. Тогда пусть этот оболтус позвонит мне вечером, спрошу, какую он

игру хочет получить на новый год.

Вместо ответа я чихнула дважды, и с той стороны раздались гудки.

Не прощаться — это у нас семейное.

Сон как рукой сняло, но температура явно не отпускала. Лоб был раскален, словно сковородка, поэтому я пошла в ванну и умылась прохладной водой. Из отражения на меня смотрело если не приведение, то как минимум кандидат в него. Бледная, с темными кругами под глазами и безобразной дулькой на голове. На кухне, уныло рассмотрев содержание холодильника, поняла, что аппетита нет и все же заставила себя согреть чайник и выпить горячий сладкий напиток. И как только стрелка часов перешагнула отметку двенадцать, в дверь позвонили.

Я даже и не подумала смотреть в глазок, ведь не ждала никого, кроме сына.

— Ты сегодня рано, у вас отменили физкульт...

Вопрос оборвался на полуслове, ведь передо мной стоял не сын, а отец Кати и Вероники.

Я не часто в своей жизни теряла дар речи, но в этом конкретном случае просто не знала, что сказать. Кажется, что Дмитрий тоже не продумал какими словами нужно приветствовать женщину, вернувшую его детей домой и которую он обвинил в их похищении из-за слов его няни (или девушки) Анжелы.

Он казался другим. С таким же упрямым жёстким взглядом, но более мягкими чертами лица.

На его темных кудрях еще не растаял снег (он что, всегда бегаёт по улице без шапки?), а кончики ушей были красными от мороза. Руки он держал в карманах джинсов, а сам переминался с пятки на носок.

— Итак, мой сын в заложниках? — брякнула я первое, что пришло в голову.

Дмитрий опешил и неловко провёл пальцами по своей шевелюре, сбрасывая на пол подъезда остатки снега.

Готова поспорить весь свой нынешний запас пряжи, что уголки его губ приподнялись вверх.

— Могу я войти? — спросил он.

— Нет. Мама говорила, что незнакомых людей в дом пускать не стоит.

— Правда? А я думал, что им не стоит открывать двери. — Его голос источал ту же наглую уверенность, что и вчера. Слова сняли с него оцепенение, поэтому не дожидаясь разрешения, он всё-таки вторгся в мою квартиру. Пришлось позорно отступить — не выбивать же кулаками.

Не то, чтобы я опасалась оставаться с Дмитрием наедине — вчерашняя вспышка гнева выбила меня из колеи, но не показала его как ненормального идиота. Скорее наоборот — в его желании защитить дочерей он был вполне прав, разве что набросился на незнакомого человека без суда и следствия.

— Так, как вы оказались у дверей моей квартиры?

— Спросил координаты у Кати. — Он прикрыл за собой дверь и стал оглядываться по сторонам. — Вы и правда недавно переехали?

Дмитрий опустил взгляд на пол, где у ближней стены всё еще лежали не распакованные белые рулоны обоев и банки с краской. Он загадочно улыбнулся и вернул своё внимание ко мне.

— Так и где мой сын?

— Гуляет с девочками. Пришлось подговорить их отвлечь его внимание, потому что кажется, он очень на меня разозлился, — честно признался он. — Мы так и будем перебрасываться вопросами?

Я покачала головой и закашлялась, прикрывая рот рукой. Очевидно, что Дмитрий пришёл с какой-то определённой целью. Возможно, что он задумал извиниться, но почему-то медлит. Забыл правильные слова или не привык признавать себя не правым?

Еще одна неловкая пауза затянулась очень некстати. Мне было некуда деть руки, и я скрестила их на груди, внезапно осознавая, что на мне лишь старенькая белая футболка с нелепым принтом. И я без лифчика.

— Вы, наверное, хотите извиниться? — наконец-то спросила я. Мне стало как-то неуютно под его пристальным взглядом.

Дмитрий кивнул.

— Извиниться и вернуть вот это. — Я и не заметила, что всё это время у него на запястье висел пакет.

Он протянул его мне, а я размышляла о том, что если опущу руки, будет ли видно через футболку, что соски набухли и стоят как два солдата. Неловкая ситуация из-за холода, который проник внутрь, когда дверь была еще открыта. Только из-за этого, других поводов нет.

— Это ваш пуховик и варежки, которые вы дали Нике. Спасибо, Анастасия, и извините меня за вчера.

— Настя. Можно просто Настя. И можно на «ты», раз уж наши дети учатся в одном классе, — ответила я, всё еще не принимая пакет из его рук. — А варежки Веронике я подарила, возвращать их совсем не нужно. Там есть небольшой перекосяк в рисунке, но они тёплые и хорошо связаны из двойной нити и...

— Настя, я понял. — Он снова тряхнул пакетом, подняв его на высоту носа, дразня меня самым наглым образом.

Ой, ладно!

Я подняла руку и схватилась за пакет-майку, как за спасательный жилет, а пошарив внутри, выудила зелёные варежки и протянула Дмитрию.

— Простишь меня? — Он сделал шаг ко мне, без уговоров забирая подарок Ники и ловко пряча в карманах своей огромной куртки, а я по инерции отступила назад и кивнула. Не было причин обижаться. Главное, чтобы он всё прояснил в своей семье, со своими детьми и той девушкой — Анжелой.

— С девочками всё хорошо?

— Да, мы вчера поговорили, и они всё мне рассказали.

— Всё?

— Мы разобрались в том, что случилось у садика между Никой и Анжелой. — Дима говорил так, что сразу стало понятно — сейчас эта тема закрыта. — Но из-за моей ошибки ты заболела. Мне жаль.

Он снова сделал шаг вперёд и зачем-то поднял руку, прямо как Сашка утром. Но я не хотела, чтобы он ко мне прикасался. Неправильно это.

— Да постой же ты, чёрт возьми, на месте.

И я остановилась, потому что бежать было уже некуда — лопатками почувствовала за собой стену. Я обещала себе, что вчера был первый и последний раз, когда я прошу этому неотёсанному папаше такое обращение, больше не позволю запугать себя.

Но вот она я — стою и тряусь, как осинка на ветру. Но не от страха.

Скорее, от огня, которым полыхнули его глаза. И еще от холода, пробежавшего от основания шеи по позвоночнику вниз, до самых пят.

Возможно, всё дело в температуре. Она всё никак не снижалась. Ибупрофен отказывался работать.

— Отойдите. — Собственный голос звучал как-то жалобно, и просьба должного эффекта не возымела.

— Мы, кажется, перешли на «ты».

— Отойди. — Меня дважды просить не нужно.

И всё же Дима подошёл так близко, что закрыл собой слабое освещение от лампочки Ильича, для которой я пока так и не нашла замену. Он заполнил всё моё личное

пространство. Меня окутал странный запах — смесь хорошего терпкого парфюма, крепкого кофе и... кажется, краски.

Прямо как из строительного магазина.

Голова взметнулась вверх слишком резко, так что в глазах запрыгали золотистые и чёрные точки. Неприятно, но... я просто хотела убедиться в собственной глупости.

Подняв одну руку, я прикрыла ладонью его губы, так чтобы на виду остались только нос и зелёные глаза.

— Дед Мороз... — просипела я, — из строительного магазина?

Рука так и замерла в воздухе.

— Ну, наконец-то узнала! — Его усмешка легким прикосновением осела на коже моей ладони.

Читала я как-то роман (а может быть даже и не один), в котором главная героиня после рождения ребёнка в раннем возрасте перестала предаваться греху вовсе.

Ибо некогда.

Да и не с кем.

Конечно, до появления "того самого".

Себя же я к таким героиням точно отнести не могла. Но все мои попытки построить личную жизнь не были слишком удачны. Да и не прилагала я к этому никаких особенных усилий, пустив всё на самотёк и рассчитывая на волю случая.

Случаев было не шибко много.

В тиндере я не сидела — времени не было, да и все эти сомнительные анкеты, где на тебя исподлобья смотрит аполлон-миллионер, а на деле приезжает «Вася на девятке». И дело вовсе не в деньгах, а в том, что приукрашивание себя в интернете в наше время стало культом, сквозь который слишком тяжело достучаться до реального человека. Прямо как в той поговорке: «На словах ты Лев Толстой, а на деле...».

На улицах со мной никто не знакомился, так как коляска или идущий рядом ребенок, обычно не является средством притяжения холостых симпатичных мужчин подходящего возраста. Пару раз ко мне подкатывали в кафе на встрече выпускников, куда я отпрашивалась у мамы, но и эти встречи не привели ни к чему серьёзному.

Секс в моей жизни присутствовал, но скорее как случайное праздничное событие, а не регулярный рутинный ритуал вроде чистки зубов по утрам.

И естественной реакцией организма, даже при повышенной температуре, было возбуждение, когда Дима — мужчина, достаточно привлекательный и сильный, чтобы разорвать мою футболку одним рывком, — почти что прижал меня к стене.

Непрошенные фантазии оживали прямо на глазах, а близость только подстегивала их втрократно.

Пришлось дать себе мысленный подзатыльник.

У него есть девушка — это раз. Он может оказаться непроходимым засранцем — это два. Прямо сейчас он просто стебётся надо мной — это три. И... И на этом пока что всё, но первый пункт перекрывает все остальные с избытком.

— Узнала, правда узнала. А теперь, пожалуйста, отойди, — наконец-то произнесла я.

Помедлив всего мгновение, Дима выполнил просьбу и как раз вовремя, ведь в этот же момент дверь за его спиной открылась, и в квартиру ввалились Сашка, Катя и Ника. Шапки сняты, щёки горят, варежки насквозь мокрые. Дети выглядели довольными, особенно Вероника, моментально подбежавшая обнимать отца. Тот же подхватил её на руки как пушинку и слишком нежно для такого сурового вида, чмокнул в щёку.

— Вы здесь? — Сашка воскликнул, указывая пальцем на нашего неожиданного гостя, а затем с обвинением посмотрел на одноклассницу. *Так-так-так, кажется, Екатерина — та еще интриганка.* — Это ты всё подстроила и отвлекла меня снежками на улице?

Девочка (надо отдать ей должное) не стала ерепениться, опустила глаза, полностью признавая свою вину.

Дима же поставил младшую на ноги и развернулся лицом к Саше. Он присел на корточки, чтобы оказаться с ним на одном уровне, но моего храброго мальчика это ничуть

не испугало. Он упрямо вздёрнул нос и был готов к любому разговору, как и всегда.

— Ты единственный мужчина в этом доме? — серьёзно спросил наш гость и Сашка кивнул. Огромная ладонь Димы легла ему на голову и взлохматила шевелюру. Сын даже не шелохнулся. — Ты все правильно делаешь, парень. Девочек нужно защищать, а с последствия можно разобраться и позже.

— Вы вчера сделали маме больно и должны извиниться, — твёрдо заявил сын.

Ох. Он ведь не слышал, что было несколькими минутами ранее.

— Саш, Дмитрий уже... — начала было я, но меня нагло прервали.

— Настя, мужчины разговаривают, не мешай, — шикнул на меня наглец. Я фыркнула и закатила глаза, а Катя расплылась хитрой улыбочке. Что-то эта проказница определённо знала. — Я действительно извинился перед твоей мамой за своё неразумное поведение и слишком резкие действия вчера. Надеюсь, что и ты сможешь простить меня. Так же, как ты помог Кате и Нике, хоть и весьма своеобразным способом, я хотел их защитить.

— Но мама не сделала ничего плохого! — настаивал Сашка.

— Я знаю. Теперь я это знаю. Просто иногда мы принимаем поспешные решения, до того как полностью... оценим ситуацию. Поэтому, Саша, я хочу тебя заверить, что больше никогда не причиню твоей маме вреда. — И с этими словами он вполне серьёзно протянул ему руку.

Саша ещё несколько мгновений смотрел на этот примирительный жест и тоже подал ладонь для настоящего мужского рукопожатия. Я уж было подумала, что всё хорошо, но, конечно, моего сына такими речами не проймёшь.

— Если вы её обидите, то будете иметь дело со мной. — Угроза в детском голосе звучала вполне серьёзная.

— Согласен ответить по всей строгости. — Дима хотел отшутиться, но Сашка не отпустил его руки.

— И ещё я позову Илью, а он за маму порвёт кого угодно.

Сын не стал уточнять, что говорит про своего дядю и моего брата, а Дима не спросил, лишь с интересом посмотрел на меня, словно уточняя, стоит ли воспринимать сию угрозу всерьёз. Я кивнула. *Да — стоит.*

— Ладно, тогда мы, наверное, пойдем. — Он встал во весь рост.

Девочки попрощались и выскочили в подъезд, а их папа, еще раз бросив взгляд на обои и краску, сказал: — Будет нужна помощь в ремонте — зови. Помогу, чем смогу.

И почему-то мне показалось, что мог он очень многое.

Остаток пятницы и целую субботу я честно лечилась всеми возможными народными и современными методами. В забытьё готовила ужин, а потом и обед, но макароны с сосисками сложно назвать хорошим рационом для быстрорастущего организма сына. Ребёнок был оставлен без внимания — я скрывалась от него в комнате, чтобы не заразить, но, кажется, его это не смущало. Он играл на приставке, болтал с кем-то из одноклассников и с Ильёй по видеосвязи.

К утру воскресенья лечение возымело свое действие, температура отступила, и голова не раскалывалась от заложенного носа и кашля. Я всё ещё держала Сашку на почтительном расстоянии, но позавтракали мы всё же вместе.

— Саш, ты уроки к понедельнику сделал?

— Да, а что не смог решить, спросил у дяди, — жизнерадостно улыбнулся сын, собирая посуду со стола, а после — продолжив что-то увлечённо строчить в телефоне. И когда он успел освоить мессенджеры?

— У него по математике сплошные тройки были, — бросила я, когда выключила кран и повесила полотенце на батарею, чтобы просохло.

— Он говорил, что ты так скажешь, — хихикнул сын, — а ещё сказал, что у тебя хромал русский, и география с историей.

Я закатила глаза. *Что правда, то правда.*

Наша мама была в ужасе из-за успеваемости детей и частенько устраивала головомойку на тему того, как ей стыдно перед преподавателями-коллегами. Если это чему и способствовало, то только её повышенному давлению, но никак не улучшению оценок.

Но чем предаваться милым семейным воспоминаниям, я решила заняться делом.

После двух суток, проведенных в кровати, тело неохотно поддавалось общему настрою сделать что-то полезное. Выбор был невелик: сесть за заказы или всё же начать обещанный Сашке ремонт. Обои укоризненно возлежали прямо у входной двери и стали определяющим фактором для моего выбора.

Я оттащила их в маленькую спальню, которая в ближайшие дни по моему плану должна была превратиться исключительно в мальчишечье пространство. О том, что ремонт будет закончен до нового года, мы с Сашкой договорились ещё когда въезжали в квартиру, но приступить к нему удалось только сейчас.

Об оклейке стен обоями я знала примерно столько же, сколько про кораблестроение и балет. То есть ничего. Поэтому прибегла к самому логичному методу получения информации о том, как правильно это делать, — погуглила.

Поисковик честно выдал в результатах несколько тысяч видео, и я бегло просмотрела парочку из них, убеждаясь, что это не сложнее, чем вязание норвежских цветных узоров, поэтому и решила, что прекрасно справлюсь сама.

Растворив клей строго по инструкции на упаковке, я отмерила и отрезала три полотна обоев — ровно настолько хватило одного рулона. Затем, согласно полученным знаниям из видео урока, с помощью кисти нанесла клей на изнаночную сторону и загнула края обоев к центру. Большинство ораторов и мастеров сходились во мнении, что начинать оклеивать стоит от окна и идти по комнате против часовой стрелки, поэтому я оценивающе оглядела стену в этом месте и прикинула высоту потолков — два метра шестьдесят сантиметров.

Два метра и...

Я шлёпнула ладошкой по лбу, понимая, что даже в прыжке (что совершенно точно не было правильной техникой при ремонте) не дотянусь до верха, а про стремянку я вовсе не подумала. Обычно я была более организована, но видимо та доза лекарств, что сейчас циркулировала у меня в организме, совершенно перекрыла возможность мыслить рационально.

И всё же отступать было не в моём характере.

— Саш! — позвала я сына.

Он быстро прибежал из комнаты — как был, с джойстиком в руках.

— Мам, ты звала.

— Да, мне нужна твоя помощь. Давай дотащим стол из кухни сюда. То есть ты только немножко подтолкнёшь его, чтобы я не скребла ножками по ламинату. Хорошо?

Сашка с сомнением оценил мою идею.

— Может, не стоит? Давай позовём дядю Илью, он поможет тебе. И вообще, почему ты без меня за это взялась?

— У дяди Ильи и без нас ремонт намечается. — Братец сообщил, что наконец-то нашёл идеальное помещение для будущей кондитерской и теперь готов преображать его согласно своим самым смелым идеям. — А поклеить обои не кажется такой уж хитрой задачей. Не сложнее, чем пройти боссов в твоих играх, так что ты от них не отвлекайся.

Сашка закатил глаза — как и большинство мальчишек, он терпеть не мог, если к его увлечению относились с легким снисхождением. И мне не делала чести такая откровенная манипуляция чувствами ребенка, но ни сил, ни времени на споры не оставалось.

Стол мы доставили в комнату быстро. Так же я принесла две табуретки и всю эту композицию установила в дальнем углу, как раз у окошка.

— Мам, ты уверена, что справишься одна?

Я кивнула и, подхватив первый заготовленный и пропитанный клеем кусок, взобралась на стол и приступила к процессу приклеивания бумаги к стене. Кажется, что в последний раз я так потела и ругалась, когда рожала Сашку — не иначе. Мне искренне хотелось убить сначала всех тех, кто давал свои глупые советы на видео в интернете, а затем производителей и обоев и клея вместе взятых. Я искренне не понимала, в чём причина того, что спустя несколько минут они начинали отходить от стены и даже дополнительная порция «Метилана» не помогала.

Из-за всех этих подъёмов-спусков стало невыносимо жарко, поэтому я приоткрыла окно на микропроветривание, чтобы запустить немного свежего воздуха, и стояла, обмахиваясь шпателем, когда услышала за спиной знакомый голос:

— Неплохой способ бесполезно провести время и испортить парочку рулонов обоев. — Я резко повернулась и встретилась взглядом с обладателем убийственных зелёных глаз, который взирал на меня со смесью беспокойства и искреннего веселья.

Проще говоря, в дверном проёме спальни стоял Дима.

— Должна ли я удивиться?

— Не спрашивай у меня. — Он поднял руки вверх, показывая, что пришёл с миром и сам уж точно не мог прознать про моё полное строительное фиаско. — Но, честно говоря, я удивлён твоему упрямству.

На самом деле, свой полный провал я осознала еще полчаса назад, но твердолобость не позволяла мне взять в руки телефон, чтобы набрать нужный номер и попросить помощи. И я собиралась звонить не брату, нет. Где-то в глубине души я знала, что наберу номер Кати (который был у Саши) и уже у нее спрошу номер самого Димы. Но, кажется, что один конкретный мальчик успел меня опередить.

Дима вошёл в комнату, моментально вляпавшись в разлитую лужицу клея на полу.

— Ой. — Я прикрыла глаза рукой, хотя следовало спрятать всё лицо, в том числе и полыхнувшие смущением щёки. — Мне так жаль, чёрт возьми!

Бросившись к Диме, я замерла на месте с разведёнными руками, совсем не зная, что предпринять. В магазине с меня быстренько сняли испачканную краской куртку, вместо джинс выдали рабочие штаны и отправили в подсобку переодеваться. А тут-то что я должна была сделать? Встать на колени и попытаться стянуть с него носок?

— Даже не знаю, как переживу потерю этой пары, — ехидно заметил Дима.

И хотя в голосе слышались строгость и недовольство, но плечи его дрогнули, а глаза блеснули весельем. И он улыбнулся.

Он красиво улыбался, и это завораживало. Сначала огонёк зажигался в его глазах, а потом маленькие лучики-морщинки расходились от век, и губы растягивались в улыбке. Настоящей, не пластиковой, не вынужденной.

— Сейчас-сейчас. — Я выскочила из этой комнаты и быстренько метнулась в спальню размером побольше, где, кроме кровати Сашки и моего надувного матраса, стоял старенький комод и несколько коробок со всё еще не разобранными вещами.

В одной из них хранился мой запас белья и чулочно-носочных изделий.

Я было подумала предложить Диме новые носки Сашки — он бы весьма эффектно смотрелся, растягивая на ступне Спанч-боба или человека-паука, вот только я подозревала, что он мог бы в них совсем не влезть. В моих же запасах из нетронутого, как назло, остались только розовые и светло-голубенькие экземпляры.

Их я и взяла, чтобы отнести своему неожиданному гостю, но он вновь оказался у меня за спиной и почти столкнулась с ним нос к носу.

— Что за странная привычка разгуливать по чужим квартирам без ограничений? — пробубнила я, делая шаг назад, подальше от этой ненормальной притягательности.

— Издержки профессии. — Дима пристально осматривал новое для себя помещение. — Эта комната тоже нуждается в ремонте. — Не вопрос — утверждение.

— Не так сильно как вторая. Возьми. — Я протянула ему свои находки.

— Я сейчас в роли Нео? И какую пару ты предлагаешь мне взять, чтобы оказаться в Матрице?

— Сарказм тебе не к лицу, — фыркнула я. — Не порти ботинки клеем для обоев, переодевайся.

Он выхватил светло-голубую пару и присел на мой матрас. Я смотрела на это со

стороны и не могла понять, что чувствую. Мужчин в съёмную квартиру я не приводила, потому что в ней всегда был Сашка. Немногочисленные встречи всегда проходили на чужой территории и никогда не затягивались до ночёвок в объятиях друг друга. Я не знала, что такое стабильные отношения и не стремилась к ним. Поэтому видеть Диму здесь было странно.

Странно, но не отталкивающе.

— А что мне к лицу? — спросил он, закончив свои манипуляции и поднимаясь на ноги, а испорченная пара скрылась в кармане джинсов.

Я не стала отвечать на эту провокацию и всё ещё пыталась переварить тот факт, что посторонний по сути человек вторгся практически в каждое помещение в этой квартире и строгим профессиональным взглядом ставил «неудовлетворительно» по части пригодности к жилью.

— Послушай, Дима. То, что ты сказал про ремонт и помощь, — это ещё в силе? Я совсем не знаю, с чего начать, но очень хотелось бы обустроить комнату сыну до праздников. Это возможно?

— Возможно. Только прошу, больше не открывай окна в комнате. И скорее всего нужно будет вывести стены под поклейку заново и прогрунтовать нормально.

— Тогда сообщи, что нужно купить и в какой день ты сможешь начать? Какой у тебя график? — спросила я, полная решимости помочь ему всем, чем только смогу.

Не из-за желания сэкономить — нет. Просто не хотела навязываться и занимать всё его свободное время.

— График?

Удивление в голосе было странным, но искренним.

— Ну да, график. Я когда работала в продуктовом, там обычно котировалась схема три смены через одну, хотя обещали два через два. Но персонала часто не хватало, многие не выдерживали и недели, так что фактически мы жили на работе.

Дима как-то слишком долго и напряжённо молчал. Он задумчиво смотрел на меня, и в этом взгляде читалось сомнение и спор самим с собой.

— У меня будет выходной в среду. Я приду часов в десять утра, хорошо?

Я кивнула, и он решительно двинулся к выходу. Даже как-то слишком решительно, будто внезапно вспомнил про срочные дела. Хотя, может быть, они у него действительно были — в конце концов, воскресные вечера принято проводить с детьми и... девушками.

Я надеялась, что до среды ничего плохого не произойдёт.

На все мои сообщения с вопросами о том, какие материалы необходимо закупить Дмитрий отвечал: «*Сам разберусь*». На следующий за этим еще один логичный вопрос: «*Какую сумму и куда скинуть?*», в ответ приходил смайлик, закатывающий глаза.

То же мне, джентльмен.

Я не любила быть никому и никогда должной, но как-то в жизни всё так складывалось, что расплатиться со всеми долгами толком не получалось.

Однажды соседка по парте — кажется, её звали Юля — позволила мне списать у нее ответ к одной из задач по контрольной на алгебре, и после этого еще примерно месяц напоминала о том, что я получила «пять» только благодаря её щедрости. В ответ она, конечно, ничего толком не просила, но сами по себе напоминания бесили до невозможности. Потом нас рассадили, и она точно так же поступила с другим человеком.

Потом был Лёша — моя первая любовь. Ему я тоже была должна — за свое первое свидание, первый поцелуй, первый секс и первое серьёзное разочарование в любви. Он ухаживал за мной весь десятый и одиннадцатый классы. Сначала ненавязчиво и даже как-то в шутку. Это было странно, ведь мы никогда не дружили и наши компании не пересекались. Его отец был баснословно богат по меркам нашего города, а моя семья считалась образцово-показательной. С его стороны всё походило не более чем на желание просто приструнить очень правильную Настю — сюжет «простушка и мажор» в действии.

Я не давалась — ему было всё интереснее, и в какой-то момент он просто сам влюбился. Не на спор, не ради того, чтобы залезть ко мне в трусы. Я знала, что это было всерьёз и за все свои отмороженные пальцы после зимних свиданий и очевидно слишком припухшие губы из-за жарких поцелуев, и красные опухшие глаза, после ссор навзрыд и до расставаний — я была ему должна.

После выпускного я вернула ему все долги — мы выпили и переспали в первый раз. А потом еще раз, и еще... Примерно месяц всё было замечательно, но вначале августа Лёша сообщил, что поступил в университет в Москве и переезжает жить туда. Он не говорил, что ему жаль — не стал обманывать, но...

«Это же всё детское, Насть. Забудется. Ты хорошая, но впереди вся жизнь и оставаться здесь я не готов», — это были его последние слова, сказанные мне по телефону.

Через две недели я узнала, что беременна, но номер Лёши уже был недоступен — скорее всего, сменил сим-карту. Дома устроили скандал, требовали избавиться от «этого позора», но насильно к врачу меня бы отвести не смогли — мне уже было восемнадцать, а сама я просто не понимала, что происходит.

Про беременность Лёша всё-таки узнал и даже позвонил мне, холодно интересуясь, что собираюсь делать. В ответ я послала его... грызть гранит столичной науки и никогда не появляться у меня перед глазами. Любовь прошла, но простить я его так и не смогла. И каждый раз вспоминая о нём, чувствовала острое желание дать по роже.

Но самый большой долг, который, вероятнее всего, я не смогу погасить до конца своей жизни, был перед родителями.

А не смогу, потому что они никогда не перестанут напоминать мне о том, что я стала самым большим разочарованием и позором семьи.

Беременность Сашкой стала новостью номер один в школе, из которой я уже выпустилась, и в университете, куда вместе со мной (хоть и на разные специальности) поступила добрая половина одноклассников. Все знали, все обсуждали и, в основном, осуждали. Насмехались и за спиной приговаривали, что так мне и надо.

Из универа документы пришлось забрать, и на следующие месяцы я стала затворницей дома, где меня постоянно тыкали носом в мою оплошность. Я надеялась, что рождение внука смягчит родителей, но жизнь — это не шоу «Беременна в шестнадцать», где маленькие пяточки и розовые щёчки делают из взрослых и матёрых мужчин и женщин умильных бабушек и дедушек. В жизни дети плачут и болеют. В жизни молоко пропадает, когда ты с двухнедельным сыном ложишься в инфекционное отделение областной детской больницы вне себя от страха просто за его жизнь и его три раза в день обкалывают антибиотиками, и он плачет. И ты сама плачешь, хоть и пытаешься уговорить себя, что так делать не стоит. В обычной жизни всё это значит, что нужно постоянно тратиться не только на памперсы, но и на детскую смесь. Гипоаллергенную. Дорогую. Четыре банки в неделю.

Едва ли мама складывала чеки в комод, но я точно знала, что однажды она обязательно напомнит мне про этот долг. Не вскользь, не просто ради красивого речевого оборота, чтобы в очередной раз дать знать о своей добродетели.

Я знала, что рано или поздно она придет ко мне с требованием и прямым чётким указанием на то, что на отказ у меня нет никакого права.

Но, видимо, я была слишком высокого о себе мнения, чтобы ждать личного появления родительницы на пороге своей квартиры. Долги с меня она привыкла выбивать по телефону.

Конкретно этот звонок случился в понедельник.

Понедельник — день тяжёлый.

Эту истину мы узнаем уже в самом раннем возрасте. Осознавать начинаем где-то в школе и тихо несем знание через всю жизнь.

Однако с некоторых пор понедельники я полюбила. Во-первых, потому что мне не нужно было подсказывать ни свет, ни заря и нестись на работу, а во-вторых, Сашка уходил в школу, и у меня было примерно полдня для того, чтобы заняться и своими заказами и всеми необходимыми хозяйственными делами.

В общем, понедельник для меня был в основном днём генеральной уборки.

К полудню этого понедельника я закончила драить кухню, добравшись не только до верхних полок гарнитура, но наконец-то разобрав немногочисленные запасы нашей с Сашкой посуды.

Никаких советских сервизов с супницами и селёдочницами у меня, к счастью, не было. В старые времена такая роскошь считалась солидным приданным для невесты, а мама моя видела меня в разных ипостасях, но только не счастливой женой какого-нибудь мужчины. Она вообще была уверена, что я буду одинока до конца своих дней, и видимо, поэтому сервиз бабушки Агафьи, своей свекрови, она прибрала в самый дальний угол антресоли.

У меня было подозрение, что таким образом она хотела меня наказать, правда, почему-то до сих пор не поняла, насколько мне был безразличен этот раритет советского фарфорового искусства.

Из кухни я переместилась в ванную и туалет. «Санокс», «Доместос», «Пемолукс» и прочие химикаты ловко применялись по назначению, и еще через полчаса я, счастливая от полученного сияющего результата, свалилась пластом на свой незаменимый матрас.

Но едва мои глаза сомкнулись в надежде подремать минут двадцать до возвращения Сашки домой из школы, как где-то рядом телефон разразился мелодичным рингтоном.

На экране высветилось слово, которое не вызывало во мне ничего, кроме желания сморщить нос.

«Мама».

И я сморщилась, как будто заранее чувствовала, что ничего хорошего этот разговор не сулил.

Я вообще не могла вспомнить, когда мы с ней последний раз разговаривали нормально. Как мама и дочка. Без ругани и истерик, угроз и упрёков, без сарказма, который выработался во мне за несколько лет выслушивания претензий и без обвинений в моей полной несостоятельности.

— Привет, мам.

— У твоего отца юбилей скоро, что ты по этому поводу думаешь? — как всегда без приветствий начала она.

И ведь странно, я помню, что как учитель русского языка она точно умела здороваться и делала это весьма охотно, когда заходила в класс к ученикам или в коридорах с другими преподавателями.

— Я помню. Вы хотели отпраздновать в кафе и, кажется, уже определились.

— Именно. Но ты же понимаешь, что придет много уважаемых людей?

Я понимала, но предмет самого звонка оставался для меня загадкой.

— Да, ты уже говорила, что вы пригласили кого-то из администрации города и всё руководство местного СК.

— Вот именно. И так как у твоего отца сложилась определённая репутация, — это слово она сказала с такой интонацией, будто бы в нём заключался весь смысл жизни, — не хотелось бы и в этот раз ударить в грязь лицом.

И что она имеет в виду? Оплатить им пару килограммов черной икры для гостей или заказать какой-нибудь особенный вид шампанского? Может быть, более элитный коньяк?

— Что ты собираешь подарить своему отцу? — спросила наконец-то мама.

— Эээ... деньги.

— Это совсем не оригинально и даже как-то пошло, — пискнула она, и я услышала, как чайная чашка звякнула о блюде, что ознаменовало неминуемую развязку этого разговора. — В общем, мы тут подумали и решили, что для поддержания его статусности, несмотря на то, что он службу уже закончил, ему нужен более престижный автомобиль.

Я даже села. *В смысле?*

— Но вы недавно его меняли.

— Два года прошло.

В голове загудело, как после приличной попойки, и горло сжало судорогой, больше похожей на тошноту.

— Что ты хочешь, мам? — Я знала ответ, оставалось просто узнать сумму.

— Мы нашли подходящий вариант, и дилер готов взять нашу машину в трейд-ин. После всех скидок и с небольшой помощью твоего непутёвого братца, — Илью она почему-то вообще старалась не называть по имени, — получается, что нам не хватает всего триста тысяч.

Триста. Всего триста?

Я хохотнула.

Почти всё, что у меня сейчас есть для того, чтобы сделать небольшой косметический ремонт в квартире.

Я рассмеялась в голос более протяжно, и, видимо, даже мама уловила нотки истерики в этом нездоровом смехе.

— Я знаю, что у тебя есть деньги. Твоя халупа не могла стоить так дорого, и ты всегда откладываешь на чёрный день, и...

— Мам, ты, кажется, выжила из ума, — продолжала хохотать я, чувствуя, что в уголках глаз собирается влага. — Я не банкомат и не благотворительная организация.

— Я знаю! Ты неблагодарная дочь, которая прибежала домой после того, как вдоволь натрахалась с первым бабником школы. Забыла, сколько мы вложили в тебя и Сашку? Забыла, сколько мы ночей не спали, потому что малец плакал? То зубы, то колики, то больницы, то массажи! Коляски, одежда, памперсы, смеси, и я уже не говорю про...

— Говоришь, — прошипела я, прервав её глупую болтовню. — Ты много говоришь, но совсем не понимаешь, что прямо сейчас собираешься меня обобрать до нитки.

— Ну конечно!

— Помолчи! Господи, ты не получишь этих денег, даже если пошлешь на меня все проклятья мира, мам. Вам нужна машина? Отлично — поумерьте аппетиты, как я умерила свои, живя с вами.

— Мы дали тебе все!

— Кроме поддержки. Кроме участия. Кроме сраной любви. Все это было мне

необходимо! Это, а не... — Я запнулась, потому что не хотела врать. Деньги тоже были нужны, и мне бы в голову не пришло смалодушничать, если бы не их отношение к Сашке. — Черт, не важно. Завтра я переведу вам сотню, и, пожалуйста, не звони мне больше, хотя бы до Нового года.

Я повесила трубку и еще до того, как телефон зазвонил снова, скинула маму в «чёрный список». Мне нужна была передышка.

Мой сын не был ни в чём виноват, как и любой другой ребёнок, рождённый вне брака по случаю или из-за глупости родителей, из-за легкомысленного отношения к сексу.

У меня были деньги, и я могла бы красиво и эффектно швырнуть ими своим родителям прямо в лицо посреди праздничного банкета, могла бы молча перевести на карту и никуда не ходить.

Но я не видела ни одной причины, по которой должна наступать на горло своим желаниям и обещаниям маленькому мальчику, для которого я хотела быть целым миром.

Миром, которого не было у меня.

— Мам?

Голос сына вывел меня из состояния, очень близкого к нервному срыву. Кажется, что я так и сидела с телефоном в руках, проворачивая его за экран между пальцами. Мысли метались как бешенные, и я не могла успокоиться. Это был странный замкнутый круг, где мне постоянно вменяли в вину одно и тоже преступление, и несмотря на все старания, я знала, что прощения не получу.

Триста тысяч.

У меня действительно была такая сумма, и я действительно планировала потратить бо́льшую её часть на ремонт и обустройство квартиры.

У нас банально не было люстр, прихожей, стенки для гостиной, шкафа для одежды и даже нормального стеллажа. О своих удобствах, то есть о необходимости купить кровать с дорогущим средней жесткости матрасе, я думала в последнюю очередь. Но всё-таки думала.

И всё это не свалилось мне в руки за красивые глаза или какие-то особенные познания в области греческого минета. Я работала, хотя это вызывало смешки матери и недовольное сопение отца, когда, забившись в угол кухни со слабым светом настольной лампы родом из восьмидесятых, я вязала свои первые шапки на продажу. Мои старания вызывали ехидные замечания у бывших одноклассниц на очередных случайных встречах в парке на прогулке. Они шли со своими парнями, а я с коляской.

Теперь же они просто завидовали — неприкрыто и очень громко называя меня бездельницей, которая просит слишком большую цену за то, что умеет «пару раз махнуть спицами и составить ровный рядок из петель».

Кажется, я даже ни разу не пыталась переубедить их или рассказать про больные руки и проблемы с кожей из-за брака в пряже, про изучение новых схем, про попытки создать что-то своё, а затем преобразовать это в формат удобный для продажи.

Конкуренция! Про нее я тоже не рассказывала, но она стала причиной нескольких истерик и желания всё бросить. Обман на стадии покупки пряжи, обман от таргетологов в социальных сетях, обман от покупателей, которые жаловались на несуществующие дефекты изделия после его получения и требовали вернуть деньги. Каждая неудача и каждый обман глубоко ранили и учили чему-то новому.

В конце концов, я смогла найти двух хороших и надёжных поставщиков, таргет доверила Илье, а изделия перед отправкой клиентам фотографировала и сохраняла в специальном альбоме на облаке. И таких мелочей была масса. И каждый раз всплывало что-то новое.

Так что я продолжала каждый день работать и руками и головой, без графика и положенных по ТК выходных, попутно осваивая законодательство в отношении самозанятых, маркетинг, правила перевозки международной почтой и новые техники упаковки товара. И я переставала жаловаться лишь когда вновь осознавала, что жизнь тех, кто меня осуждает (а чаще всё-таки завидует), крутится вокруг работы с восьми до пяти и постоянным страхом эту работу потерять. И маршрут их не выходит за пределы нарисованной карты «дом-работа» с перерывами на отпуск два раза в год и поездкой до Анапы или Геленджика.

— Мам? Ты чем-то расстроена? — Сашка аккуратно дотронулся до меня своими

холодными пальцами.

Он стоял напротив в своей школьной форме — серых штанах, белой водолазке и жилетке — и выглядел растрёпанным, но довольно бодрым с еще красными от мороза щеками.

— Нет, просто бабушка звонила.

— А-а-а, понятно, — протянул он и сел напротив.

Возможно, что ему действительно было понятно. Родители никогда не срывались на Сашке, но и никогда не скрывали своего отношения ко мне. Не снижали тон. Не следили за тем, смотрит он на уродливые семейные разборки или нет.

А сын видел и делал свои выводы — пожалуй, самые честные и правильные.

— Как ты попал в квартиру? — наконец-то придя в себя словно после шоковой терапии, догадалась спросить я.

— У меня же ключ есть.

Сашка пожал плечами и стал снимать свою форму, рассказывая о том, как прошёл день в школе. И про контрольную по математике, и про урок физкультуры, и про порванные из-за игры в квадрат кроссовки.

— Так, стоп, — спохватилась я. — А разве по расписанию у вас завтра нет физкультуры?

— Есть.

— Тогда тебе нужно купить обувь на замену.

— Угу.

Я закатила глаза от таких содержательных ответов.

— Тогда садись обедать, а потом прогуляемся до торгового центра.

Может быть, заодно заглянем к Илье и посмотрим на его «идеальный вариант» помещения для кондитерской или в какой-нибудь магазинчик «тысячи мелочей», где сможем прикупить что-нибудь для уюта в доме. И вообще, моя маленькая тайная коллекция требует лучшего футляра для хранения, чем коробка из-под босоножек.

— А еще в четверг родительское собрание, — сказал Сашка, набирая полную ложку борща, — в шесть часов вечера. Просили обязательно прийти. Елена Анатольевна сказала, что будут обсуждать что-то крайне важное.

Я кивнула, делая мысленную пометку посетить это, без сомнения, важное мероприятие, почему-то сразу вспоминая о том, что скорее всего встречу там и Диму.

Через час мы всё-таки выбрались в торговый центр и первым делом направились в спортивный магазин. После недолгих и продуктивных переговоров мы сошлись на той паре кроссовок, которая устраивала и меня (по цене) и сына («Они такие классные, мам, спасибо»).

— И куда теперь? — спросил Сашка, честно пытаюсь отнять от меня пакет с обувью как настоящий мужчина.

— Думаю, что мы можем зайти в отдел, где продают разные мелочи для дома. Купить настенные часы или электронные. Может быть, что-то еще.

Но по дороге в нужный отдел нам навстречу неожиданно выскочила Катя. И говоря «выскочила», я именно это и имела в виду. Она вприпрыжку пробежала по этажу и заглядывала в разные отделы и секции, словно искала что-то... или кого-то, пока взглядом не наткнулась на нас.

— Саша! Тётя Настя! — На встречу нам бежала Катя. Испуганная и растерянная.

— Кать, ты чего? — спросил Сашка.

— Нику с Анжелой потеряла, — выдавила она, кажется, готовая расплакаться прямо здесь, и посмотрела на меня с тоской и надеждой, будто спрашивая, не будет ли с её стороны наглостью просить меня о помощи.

Не знаю, почему эта девочка не доверяла взрослым и что за проблемы у нее были с женщинами папиного возраста, но, как и любой нормальный человек, я собиралась помочь.

— Катюш, давай-ка не будем паниковать. Где ты видела свою сестру и... ту девушку (кажется, звание няни всё-таки было неактуальным) в последний раз? — спросила я.

— Когда мы вошли в торговый центр. У меня тут занятия по рисованию сразу после школы. Обычно я хожу одна, потому что Ника в садике, но сегодня она раскапризничалась, и папа не стал ее насильно в сад вести, а потом напросилась в торговый центр со мной. В общем, Анжела сама вызвалась помочь и заверила папу, что приглядит за ней, пока идут мои занятия, но я ищу их уже минут пятнадцать и не могу найти-и-и-и... — В конце её голос сорвался на протяжный вой из-за страха и переживаний за маленькую сестру.

— Ладно, хорошо. Давай подумаем, куда твоя сестра больше всего любит ходить в торговом центре?

Вопрос не сложный. Я, конечно, могла ошибаться, но Анжела не производила впечатление очень заботливого человека. Максимум, чего она хотела добиться такой инициативностью, — заработать очки в глазах Димы и показать, что всё у них с девочками замечательно. Хотя, может быть, так и было, и я зря себя накручивала.

— В «Скайленд», — быстро ответила Катя.

— А «Скайленд» это?..

— Детский развлекательный центр на четвёртом этаже, — оттарабанил Сашка.

— Отлично, тогда идём туда.

Казалось, что в том адском месте собрались сотни детей, а администраторам Лизе и Наде (судя по надписям на бейджиках) было абсолютно всё равно на то, что у них переполнены все игровые зоны.

— Добрый день, мы ищем девочку, Веронику Плотникову. Подскажите, её сегодня приводили?

Безучастные глаза девушки с синими волосами и тремя кольцами в носу смотрели сквозь меня. Только через минуту я поняла, что она даже не потрудилась достать из ушей беспроводные наушники. Пришлось помахать руками, чтобы она обратила на нас внимание.

— Мы ищем Веронику Плотникову, — повторила я более настойчиво.

Синевласка повернулась к монитору и лениво стала водить мышкой по экрану. Спустя несколько кликов она подтвердила, что такая девочка действительно заходила внутрь.

— Одна? — напряглась Катя. — И как давно?

— Я не помню. Здесь, возможно, сотня детей, два дня рождения. За всеми не уследишь.

— Мы можем войти? — спросила я, разуваясь.

— Её привела другая женщина. Её зовут Анжела. Вы — не она. — Какое ценное замечание. — По правилам я должна убедиться, что ребенка забирает тот, кто его привёл.

— Но моя сестра одна тут уже больше часа. Она маленькая и может хотеть пить или в туалет. Вы хотя бы задумались об этом? — Катя, у которой выше стойки администрации был

только нос, смогла нагнать ужас на нерадивую и неответственную девчонку. У той аж глаз с фиолетовыми стрелками задёргался.

— Хорошо, только зайдите и выходите с ней, а я пока постараюсь дозвониться до этой Анжелы, — буркнула та и достала старенькую Нокию, которая годилась только для рабочих звонков, и, возможно, забивания гвоздей.

Мы же всей нашей компанией двинулись внутрь.

— Катя, ты давай наверх, проверь по лабиринтам, Сашка беги в дальнюю часть, ищи у бассейна с шариками, а я посмотрю в зоне гамаков и батуты.

Дети разбежались в разные стороны, я же пошла прямо. Комнаты отдыха не так уж и плохи в широком понимании, и детям здесь чаще всего весело и комфортно, но оставлять наедине с незнакомцами четырёхлетнюю девочку — едва ли правильный поступок. Я надеялась, что мы найдем Веронику занятой игрой или, по крайней мере, не расстроенной и потерянной.

Обнаружила я её, сидящую в одном из трёх «бунгало» и мирно собирающую башенку из кубиков. Та постоянно падала, но девочка упорно не хотела отступить от своей цели и я решилась выдать себя, лишь когда она начала четвертую попытку.

— Привет, Вероника. — Она подняла испуганные глаза, но как только поняла, кто перед ней, расслабилась и улыбнулась. Очень искренне и очень доверчиво. — Ты давно здесь?

Она не поняла вопрос. Конечно, не поняла! Откуда четырёхлетнему ребенку знать меру времени. Я шлёпнула себя по лбу. Нужно было спросить иначе.

— Ты знаешь, Катя за тебя беспокоится. Она соскучилась по младшей сестрёнке.

— Анжела сказала, что сково пидёт. — Ника снова уронила башню.

— А кушать или пить хочешь? Я могу тебя забрать.

Уговаривать Веронику долго не пришлось. Она подскочила на ноги и выбежала в общий игровой зал быстрее, чем я успела договорить.

Я нагнала малышку, когда её пальцы уже вцепились в свитер сестры. Сашка тоже вернулся, и мы стали собираться на выход. Администратор Лиза уведомила, что так и не дозвонилась до Анжелы, но, кажется, не собиралась препятствовать нашему плану уйти из «Скайлэнда».

— А теперь пойдёмте, я вас покормлю, а ты, Катя, позвони папе и попроси его предупредить свою... девушку, чтобы нашла нас на фудкорте.

— Не хочу. Она отправилась по своим делам, оставив Нику дну. Пусть ими и занимается, а мы домой вернёмся сами. Это не первый раз.

— Катя, послушай. То, что она сделала, — не лучший поступок. — Я очень старалась подбирать слова, хотя внутренне так же горела негодованием из-за произошедшего. — И всё же она наверняка расстроится, когда вернётся к центру и не обнаружит там твою сестру. Давай не будем усугублять. Позвони папе, пожалуйста.

Катя еще несколько секунд пыхтела от негодования, и её ноздри смешно раздувались из-за попыток картинно делать глубокие успокаивающие вдохи, и всё же она подняла руку, чтобы найти в списке вызовов своих электронных часов номер Димы.

Правда, сделать она этого не успела, потому что, взглянув куда-то мне за спину, округлила глаза от ужаса. Вместе с этим я почувствовала, как нечто впилося мне в руку.

Тонкие пальцы и острые когти с силой потянули за рукав и развернули меня на сто восемьдесят градусов.

— Опять ты! Что тебе надо от Димы и девочек?! — Вой белокурой сирены распространялся по всему этажу и кажется, что время на мгновение замерло, а внимание всех посетителей обратилось к нам.

Людам всегда нравились публичные скандалы. Эта возможность замереть на месте, оценить степень унижения совершенно постороннего человека, просканировать всё своими глазами и донести историю (полностью переиначенную и приправленную несуществующими подробностями) до своих знакомых. Иначе о чем еще вечером потрепаться в ВотсАпе или ВК?

Главное в этом деле не быть непосредственным участником.

Но в этот раз удача явно была не на моей стороне.

— Анжела, послушайте. — Ника спряталась за моей спиной, чем спровоцировала блондинку попытаться выудить её оттуда путём отодвигания меня в сторону. — Катя попросила нас найти сестру. Не знаю, какие обстоятельства заставили вас оставить девочку в комнате отдыха без присмотра на такой длительный срок. Уверена, они были крайне важны, но всё же могли бы предупредить и Катю.

— Я не обязана отчитываться перед этой... — Девушка застыла и заткнулась, заметив, что на наше маленькое шоу стали собираться зеваки. — В общем, да, у меня были неотложные дела, в которые я совершенно не хотела втягивать Нику.

И словно в подтверждении своих слов она нервно прошлась пальцами по лбу и убрала одну из прядей волос за ухо. Я, конечно, не Шерлок от мира женщин, но мне понадобилось около пятнадцати секунд, чтобы понять, что Анжела делала коррекцию бровей, причём не самую удачную.

И вот передо мной оказался непростой выбор: передать Катю и Нику той, которая должна была за ними следить, и спокойно направиться по своим делам или отослать её подальше, взяв заботу о детях на себя, как и на прошлой неделе.

Выбора-то у меня, собственно, и не было.

— Сашка, возьми девочек и пойдите посмотрите на рыбок в том большом аквариуме. — Я махнула рукой в сторону.

Но не успел сын сделать и двух шагов, как когти Анжелы зацепились за лямку его рюкзака.

— Никуда он их не поведёт! Я привела девочек, и я их заберу. Катя, Ника, а ну марш за мной!

Интересно, ей никто никогда не говорил, что вежливость — это базовый человеческий навык, который помогает в ведении переговоров и достижении положительного результата? Что ж. На свою грубость она получила вполне заслуженный игнор от сестёр, из-за чего гнев её достиг небывалых размеров и обрушился-таки на меня.

— Это ты настраиваешь их против будущей жены их отца? Думаешь, я не знаю, чего ты добиваешься?

— Было бы замечательно, если бы ты просветила меня относительно своей теории. Вдруг наши версии расходятся, — улыбнулась я максимально снисходительно.

Анжела прищурилась, но так и не смогла распознать сарказм в моих словах.

— Хочешь забрать себе самый лакомый кусочек в этом городе, заманиваешь его к себе в квартиру под разными предлогами и пытаешься затащить на себя. Да ты не лучше любой девки, которая готова броситься Диме на шею, лишь бы он обратил на неё внимание, прямо как...

— Ты? — перебила я речь это тараторки.

Вопрос, как удар тока, прошиб мою собеседницу и заставил замолчать. Как жаль, что длилось блаженная тишина не более пяти секунд.

У меня же была небольшая передышка подумать о том, в чём конкретно её претензия. Я никогда не судила о людях стереотипами, ведь сама за свою жизнь собрала их достаточно — тех, что лежат на поверхности. Я как никто другой знала, что значит стать жертвой подобных взглядов. Но всё же девочки сами пришли с Сашей в нашу квартиру и сами были не против общения. Дима так же извинился за свою несдержанность, но я так и не выяснила, что (или кто) именно был тому виной.

— Послушай, Анжелика. Я ведь уже могу обращаться к тебе на «ты»? Ты можешь пойти закончить все свои важные дела, — теперь в моём голосе не было и намёка на сарказм, — а я с удовольствием позабочусь о девчонках. Мне не сложно.

— Они пойдут со мной, — еще раз повторила она. — А если ты еще раз попытаешься испортить нам с Димой свидание, то узнаешь, на что я способна.

— Не понимаю, о чем ты, — я пожала плечами.

— О том, что он вчера умчался помогать «загадочному», — на этом слове она показала своими пальцами с красным длинными ногтями воздушные кавычки, — другу и совершенно забыл о назначенной встрече. Лишь потом мне удалось выяснить, что друга зовут Настенька.

А вот имя моё Анжела произнесла как ругательство.

Я же ничего не знала о сорванных романтических планах этой пары, поэтому никаких угрызений совести вообще не испытывала. И когда я уже собиралась объявить ей об этом, за спиной блондинки вырос один конкретный Дмитрий в рабочей форме магазина «Кузнец да плотник» и с очень злым блеском в глубине зелёных глаз, в этот раз направленным совсем не в мою сторону.

— Что здесь происходит? — Дима перевел тяжёлый взгляд с Анжелы на меня и обратно на свою девушку, и под ним она из гордой и грозной амазонки съёжилась до вида ласкового котёнка.

Наверное, некоторые женщины рождены с этим талантом — угодить мужчинам. Анжела хотела и могла угодить своему мужчине, могла подстроиться под него и, улавливая тончайшие перемены настроения или изменения в вибрации голосовых связок, понять, как повернуться, поднять голову или какую эмоцию отобразить на лице.

Я же замерла, ожидая, что будет дальше.

— Димочка, мы просто разговариваем с Настей. — Блондинка повернулась к нему и как ни в чём не бывало чмокнула в щёку. Странное и нелогичное чувство кольнуло внутри, но я отмахнулась от него, совершенно не собираясь разбираться в том, что бы это могло значить.

— Привет. — Дима кивнул мне, но ничего не спросил.

— Привет, — ответила я.

Наша тройца со стороны почти наверняка смотрелась довольно комично, и подоспевшие дети добавили своеобразного перчика к этой картине.

— Папа! — Ника влетела на руки к отцу, и тот ловко подхватив ее, поднял вверх.

— Привет, как ты?

— Я была в лабиринте. — Вероника так широко и ярко улыбалась, что ни у кого бы не оставалась сомнений в том, что этот день она провела весело и с пользой. — Вот столько времени, — она расставила пальчики на обеих руках.

— Вот как. — Дима коротко кивнул и обратил свой взгляд на нас. — Это здорово! Так из-за чего вы спорили? Катя позвонила и сказала, что у вас возникло недопонимание. — Он пристально смотрел только на Анжелу.

— Всё в порядке, я думаю, что нам с Сашкой уже пора. Было здорово повидаться. Пока.

Я схватилась за руку сына как за спасительную соломинку и собиралась тихо-мирно удалиться в сторону дома. Это казалось правильным решением. Их отношения меня не касаются, и теперь, когда Ника и Катя под контролем отца, Анжела не оставит девочек без присмотра.

— Настя. — Тяжёлая ладонь легла мне на плечо, останавливая и разворачивая к себе лицом. Я и не думала, что он успел подойти так близко, поэтому почти уткнулась в ногу Нике, которая все еще сидела на руках у папы. — Я позвоню тебе сегодня, и тогда договоримся, когда я смогу прийти, чтобы помочь с ремонтом.

У этого мужчины напрочь отсутствовал механизм самосохранения? За его спиной стояла девушка, у которой в третий раз за последние пару минут изменилось выражение лица с милого и приторного до злого и смертельно опасного.

Мне оставалось только кивнуть и скупно улыбнуться в ответ.

Еще одного выяснения отношений я не выдержу.

— Пошли, — бросила я Сашке и потянула сына за собой.

К счастью меня, больше никто не останавливал, но, конечно, я уловила первые претензии Анжелы о том, что «как ты мог променять меня, на это» и «почему она стала важнее наших планов».

Не думать об этом, не думать!

Остаток дня я провела, повторяя про себя только эту фразу, но любопытство было сильнее меня, поэтому к девяти часам, закончив начатый на прошлой неделе и отложенный из-за болезни заказ, я сдалась и зашла в группу класса Вконтакте, где добросовестно изучила список участников, но никаких Дмитриев Плотниковых или женщин с такой фамилией там не было. Тогда я заглянула в оба чата класса в ВотсАпе (один с преподавателем, второй — без него). Но там кроме телефонного номера (который у меня итак был) мне ничего узнать не удалось.

И когда мой энтузиазм иссяк, аппарат в руках ожил, и предмет моего тайного, но недолго киберсталкинга сам решил мне позвонить.

Надо же, прямо как и обещал.

— Привет.

— Привет.

Тишина. Весьма побудительное начало общения.

— Я обещал позвонить.

— Угу.

Снова тишина. Почему же было так неловко?

— И вот я позвонил.

— Точно.

Кажется, что в этот момент я услышала, как сосед в квартире рядом чихнул и едва сдержала порыв сказать ему «Будь здоров!». Вот какая была тишина!

— Черт, я не знаю в чём дело, — тяжёлый вздох, — но мне просто нужно сказать тебе, что у меня свободны среда и четверг до вечера, до родительского собрания. Ты же дома работаешь? Тебе будет удобно?

— Да, конечно. — Всё, что я смогла выдавить из себя.

— Ну тогда до встречи.

— Пока.

И в телефоне раздались короткие гудки.

Закон Мёрфи гласит: если что-то может пойти не так, оно пойдёт не так. В эту среду всё пошло не по плану.

Я не большой любитель смотреть прогноз погоды, поэтому цифра на термометре в минус восемнадцать по Цельсию меня удивила очень сильно. Сашка морщил нос, но позволил натянуть ему двойной снуд до самых глаз и еще капюшон в придачу.

Не прошло и пяти минут, как за сыном закрылась дверь, раздался звонок в домофон и слишком бодрый для начала девятого голос Димы известил меня о том, что он прибыл и должен кое-что поднять наверх. В перечень кое-чего входило несколько огромных пачек шпаклевки, два ведра грунтовки, валики, кисти, обои, клей, стремянка и какие-то специальные приспособления, о названии которых я даже не подозревала.

Ему понадобилось три раза спуститься вниз, чтобы всё это добро оказалось в квартире, и мне стало не по себе от того, во сколько могла встать такая переделка. И еще Дима снова был без шапки. Снег на улице не шёл, все живые и неживые предметы сковал мороз, а у этого ремонтника, кажется, есть склонность к риску подхватить пневмонию накануне нового года.

— Ну, вот и всё, — вручая мне в одну руку уровень, а в другую шпатель, заявил мой неожиданный помощник.

С плеча он скинул рюкзак, снял куртку аляску, аккуратно повесив ее на гвоздь, вбитый в доску, которая была худо-бедно прикручена к стене, и снял ботинки.

— Мне нужно переодеться.

— Хорошо. — Я махнула рукой в сторону ванной комнаты и отправилась на кухню. — Я пока заварю кофе. Какой ты любишь — чёрный или с молоком?

— Чёрный, без сахара, — ответил Дима и скрылся за дверью.

Я же отправилась ставить чайник, но тот не успел даже закипеть, когда мой неожиданный и очень ответственный помощник показался в проёме кухни, занимая его больше, чем наполовину. Память услужливо подкинула воспоминания о том, что его непосредственная близость может сбивать с толку, поэтому нужно держать дистанцию.

— У меня нет молотого кофе или турки, так что...

— Нет проблем, я смогу смириться с растворимым кофе, Настя. Шпаклёвка займёт несколько часов, затем пару дней стены должны сохнуть. — Он замолчал, пока я выключала газ под засвистевшим чайником. — И ещё очень важно, чтобы в комнате не было даже намёка на сквозняк.

Я передала Диме кружку, предложила вчерашние блины, и он не отказался, потому что не завтракал после того, как отвёл девочек в школу и садик.

— Катя знает, что ты будешь здесь?

— Знает и всеми силами намекала на то, что была бы не против прийти и помочь.

— О! Но Сашка придёт из школы. Я попрошу его не соваться в комнату сегодня и не мешать тебе.

Дима поставил кружку на стол и как-то очень весело посмотрел на меня.

— Мои дети гостили у тебя, поэтому сегодня твой сын окажется в заложниках у нас дома. Катя пригласит его в гости и поверь, у Саши нет ни единого шанса отказаться.

Я хотела что-то сказать, но, кажется, только и хватала ртом воздух — не то от возмущения, не то от смелости этого человека.

— Такие вещи обсуждают заранее, — выдавила я возмущённо.

— Многие вещи обсуждают заранее, но у нас с тобой так не получается. Не переживай из-за Анжелы. Её сегодня дома не будет, а для детей приготовлена еда и развлечение. Мне просто нужно успеть закончить то, что я запланировал сделать сегодня до пяти вечера, чтобы забрать Нику из садика.

Звучало так, словно я никогда не смогу с ним расплатиться за этот жест. Дима уже категорически отверг любые мои попытки оплатить материалы (не понимаю, возможно, у него была какая-то скидка как у сотрудника магазина), и если его знак зодиака был не Овен, то я не знаю в чем проблема.

— Хорошо, тогда если что-то будет нужно помочь, ты меня позови, я буду в большой комнате, и скажи, во сколько тебя покормить обедом.

Он коротко кивнул и развернулся, топя в сторону объекта, который будет подвержен ремонту.

И я честно собиралась заняться работой, у меня даже получилось первые полчаса поймать ритм и отвязать четверть снуда из темно-синей пряжи для заказанного набора, но телефонный звонок спутал мои планы. И не один, а сразу несколько.

Так что в эту среду всё пошло совсем не по плану.

— Дима. — Я неуверенно постучала в комнату, где, судя по звукам, происходила какая-то бурная деятельность и что-то беспрестанно шумело. Ответа не последовало. Тогда я осторожно провернула ручку двери и вошла в оккупированную им комнату.

Он стоял ко мне спиной и, кажется не слышал моего обращения. В его руках было что-то вроде миксера, а в большом пластиковом ведре замешивался белый раствор, возможно, для выравнивания стен. Мне точно следовало более основательно подойти к вопросу ремонта, а не доверять почти незнакомому человеку, но время поджимало и выбора не было, так что я собиралась совершить еще один крайне необдуманный поступок.

Я шагнула в комнату чуть глубже, потому что он совсем не реагировал на мои попытки позвать его по имени, и, только находясь в двух шагах, поняла: шум из-за мешалки и наушники — отличный способ отгородиться от внешнего мира и сосредоточиться на работе.

— Дима. — Я попробовала еще раз — бесполезно. Ничего не оставалось, кроме как подойти еще ближе и прикоснуться к его руке, чтобы он наконец-то повернулся.

— Чёрт возьми, дерьмо!

Штуковина в его руках заглохла, и он спешно вытащил наушники.

— Извини, я не хотела тебя напугать.

— Тогда следовало стучаться. — Его обвинения были просто смешны.

— Здесь мог бы проехаться танк или продефилировать парочка топ-моделей, но ты бы ничего не заметил.

Дима моргнул раз или два, а затем улыбнулся.

— Ты же не из праздного любопытства заглянула сюда?

— Нет, мне нужно уехать по делам и, честно говоря, зная список адресатов, я не уверена, что успею вернуться до пяти вечера.

Он кивнул и ждал продолжения, но я молчала, все еще продолжая борьбу внутри себя, пытаюсь понять, правильно ли поступаю.

— Вот как. Хочешь перенести ремонт на другой день? Я уже начал растворять...

— Нет, я хочу оставить тебе вот это, — быстро выронила я и пока не передумала, спешно пихнула ему в ладонь связку из двух ключей с брелоком-пингвином из старой коллекции киндер-сюрпризов.

Он посмотрел на новый предмет в своей ладони, и его улыбка стала шире, а сам он едва сдерживал смех.

— Пару дней назад ты уверяла меня, что мама учила тебя не пускать незнакомцев на порог своего дома, а теперь ты этому самому незнакомцу вручаешь ключи. Интересная логика. Не боишься, что я могу тебя ограбить?

— Только если ты являешься неисправимым фетишистом в отношении спиц, крючков и игл разных размеров. И, конечно, пряжи. Больше в этом доме нет ничего интересного.

Дима приблизился ко мне и наклонился слишком близко, для того, чтобы я чувствовала себя комфортно. В других обстоятельствах и с другим человеком я бы уже непременно отошла назад, передумала и выгнала прочь, засчитав такую наглость за сексуальное домогательство, но если оно и имело место быть, мои инстинкты самосохранения молчали.

— Не переживай, Настенька, твоя бесценная коллекция спиц и всего остального в полной безопасности. — Его голос был наполнен обещанием, которое я не должна была слышать и пытаться выдумывать себе что-то чего быть не может.

У Димы есть девушка. И две дочки. А у меня есть сын. Конец истории.

Я встрепенулась и сделала шаг назад.

— Хорошо, это действительно радует. На кухне есть обед, чай, кофе и всё, что тебе может понадобиться. Если я не успею вернуться до того, как ты уйдёшь за Никой в сад, закрой дверь на верхний замок на два раза и потом передашь ключи с Сашей.

Дима коротко и весело кивнул, и я поспешила ретироваться из комнаты.

На улице было так холодно, что, снимая варежки, я рисковала отморозить пальцы быстрее, чем за одну минуту. Почистить машину ото льда заняло почти двадцать минут, и я серьёзно задумывалась о том, чтобы вернуться домой и согреться, но потом передумала. Старенький Гетц уже справился с одной сумасшедшей зимой в прошлом году, и эту мы так же переживем вместе.

За поездками по городу, встречей и очередным скандалом с мамой, разборками на почте и помощью Илье день пролетел практически незаметно. Я устала, была вымотана морально и физически и, конечно, не успела к назначенному сроку.

Всё о чём я мечтала, — это душ, еда и сериал.

В квартире было темно и тихо, а значит, я оказалась права и Дима уже ушёл. Поспоров с собой примерно с минуту — стоит ли сначала позвонить и поинтересоваться, когда он вернет мне сына или всё-таки забраться в душ — я выбрала второе.

Скинув свитер, джинсы и лифчик, я отправилась в ванную и стала настраивать воду и услышала, как зазвонил телефон. Я была почти уверена, что увижу на экране слово «мама», но ошиблась и поспешила ответить, ведь Марина Ивановна, женщина, с которой я уже два года работала и покупала у нее помпоны для шапок, никогда не звонила по пустякам.

— Настенька, здравствуй. Как хорошо, что ты смогла ответить. — Её голос звучал обеспокоенно.

— Здравствуйте, Марина Ивановна. Что-то случилось?

— Подскажи, ты дома? То есть помнишь, ты заказывала у меня помпон лавандового цвета, а потом делала фото готовой шапочки. Скажи, ты уже отправила заказ клиенту? — протараторила она почти без остановки.

— Э-э-эмм, пока что нет, но собираюсь сделать это...

— Отлично! Настя, я очень прошу тебя, ты не могла бы сфотографировать шапку на себе? Мне не нужно лицо или что-то, просто пара кадров, как всё вместе смотрится не только на белом фоне и на раскладке. И нужно прямо сейчас.

— Но, Марина Николаевна, я никогда...

— Я знаю, что ты не любишь фотографировать вещи на себе, но я прошу тебя, только одно фото, хотя бы профиль. Это займёт не больше минуты, а меня ты очень выручишь.

После недолгой борьбы с собой я сдалась.

— Хорошо, дайте мне две минуты.

Сбросив звонок, и как была, в одних трусах, я бросилась сначала в большую комнату, чтобы найти ту самую шапку, а затем, водрузив ее на голову, стала переключать камеру на фронтальную. Занятие увлекло меня так, что я даже не заметила, как за спиной открылась входная дверь.

— О, ты дома! Настя, прости, я забыл телефон и...

Я резко развернулась на голос Димы и, едва успев прикрыть своих «девочек» одной рукой, сделала снимок.

Думаю, что эта фотка будет претендовать на звание «кадр года».

Знаете это чувство неловкости, когда ты сидишь в автобусе, а над тобой стоит кто-то и постоянно вздыхает, как бы намекая на то, что ты должен уступить это место.

Или в детской поликлинике, когда тебе правда нужно только спросить и бежать дальше, а очередь из пятнадцати мам с маленькими детьми смотрит, как стая готовых тебя растерзать волчиц.

Или когда совершенно случайно обнажаешься перед мужчиной, которого едва знаешь и который совсем немножко, но всё-таки нравится.

И который, конечно, не свободен.

Хотела бы я ничего из этого не знать, но в ночь со среды на четверг выспаться мне не удалось.

К сожалению, у меня не было подружек, с которыми можно было бы поделиться грустными и странными историями о своих взаимоотношениях с мужчинами. О таких девушках в романах пишут: она была классной и всегда умела говорить правду-матку прямо в лицо, и ей всё прощали.

У меня не было подруги, но был брат. Поэтому на следующий день, отправив Сашку в школу и вспомнив о вечернем родительском собрании, я поняла, что мне нужен план и совет. Телефон брата на быстром наборе был как нельзя кстати.

— Ради бога, Настя, сейчас полдевятого утра, — просипел Илья в трубку после восьмого гудка.

— Будешь себя плохо вести, не расскажу о том, что твоя младшая сестрёнка нечаянно обнажилась перед почти незнакомым мужчиной, оставшись лишь в трусах и шапке.

На той стороне провода повисла секундная тишина, затем какое-то шипение, шуршание и тихий спор.

— Мне нужен кофе и все подробности. — Илья вернулся к разговору, когда послышался щелчок закрывшейся двери.

— Ты сейчас выгнал свою девушку?

— У меня нет девушки.

— Ты ужасный бабник!

— Сказала та, кто раздевается перед почти незнакомыми мужиками, — съязвил брат, пародируя мой голос. — Растворяй тесто на свои фирменные блинчики, я буду через десять минут.

Илья действительно добрался до меня очень быстро — очевидное преимущество жить в одном районе нельзя переоценить — так, что я только успела включить газ и разогреть сковороду. Он по-хозяйски отодвинул меня от плиты, усадил за стол и стал проверять тесто на густоту.

— Отлично. Я буду готовить, а ты рассказывай, что случилось у моей маленькой сестрёнки. — Его мягкая улыбка и задорные искорки в глазах не предвещали ничего хорошего, но у меня не было выбора, нужно было хоть кому-то рассказать о том, что кроме мамы в моей жизни появилось еще одно стихийное бедствие.

Так Илья узнал про Катю и Нику, которых Сашка привёл домой и спрятал за диваном, про их отца и про его девушку, неудачную попытку начала ремонта с моей стороны и весьма удачную со стороны Димы. И про вчерашнюю обнажёнку тоже узнал.

К концу истории Илья хохотал в голос, а вот мне было совсем не смешно.

— Мне кажется, что я зря тебя позвала. Никакого толку, только лишние сантиметры в талии из-за вот этого. — Кивнув в сторону ровной стопки золотистых блинов, я стянула один и обмакнула в вишнёвое варенье. — Что ты добавил в моё тесто? У меня никогда так вкусно не получается.

— Стыдно из-за того, что твой сын предпочитает мою стряпню?

— Ты на это учился, позёр!

Илья кивнул и выключил газ, вытаскивая из карманов джинсов полотенце, используемое в качестве передника.

— Так в чём, собственно, дело? Классный парень видел тебя голой. Ты разочарована отсутствием продолжения? — Он пододвинул тарелку к себе и скрутил один из блинов в трубочку.

— Ты снова прослушал самое основное, дурак! Я не была голой и успела прикрыться. И у него есть девушка.

— Он что-то сказал?

— Нет. Взял телефон, оставил ключи и ушёл. — Я вздохнула, и Илья снова хмыкнул.

Господи, он прав! Прямо сейчас я звучала так, словно жалела, что никакого продолжения не было.

— И всё? — уточнил брат.

— И всё, — соврала я.

Соврала, потому что неловко я себя чувствовала не только из-за того, что была почти без одежды, а из-за того, как почувствовала себя под взглядом Димы.

Он действительно не сказал ни слова, кроме короткого извинения, и действительно просто забрал телефон и вернул ключи. Вложив мне в руки. Очертя пальцем горячую дорожку от кисти вверх до самой шеи. Я едва успела качнуться вперёд и уловить исходящий от него запах мороза и парфюма, когда услышала сдавленное ругательство. Через секунду входная дверь захлопнулась.

— И какой совет ты хочешь от меня услышать? — спросил Илья, возвращая меня из воспоминаний к реальности.

— Как мне сегодня вечером смотреть ему в глаза?

— У вас свидание?

— Почти что. Родительское собрание, так что мне будет адски неловко.

Брат снова расхохотался. Что за придурок? Моя жизнь летит под откос, а ему весело.

— Не переживай, Настенька, пусть всю неловкость он возьмёт на себя, а ты просто будь собой.

— Как это?

— Милой и скромницей в шапке и трусиках. Уверен, что этот Дима сегодня тоже плохо спал.

В одном из пабликов «ВКонтакте» написано, что родительские собрания похожи на сборище сектантов. Сначала все внимательно слушают учителя, потом массово сдают деньги, а в конце задумчиво расходятся по домам.

Несмотря на то, что школа, в которой сейчас учился Сашка, была совершенно новой и еще не успела обрасти стандартным букетом проблем в виде требующих замены окон и парт, покупки дополнительного оборудования в кабинеты химии и физики, но всё это слихвой компенсировалось огромной социальной активностью.

Дети постоянно куда-то ездили и ходили. Театры, экскурсии, музеи и прочее и разное — лишь бы все учителя смогли поставить галочку в графе дополнительных внеклассных часов. За неполный месяц сын уже три раза приносил записки от учителя о необходимости сдать дополнительную сумму на поход класса в места досуга и отдыха.

Но то единственное мероприятие, на которое ему действительно хотелось попасть — классный выезд на турбазу перед новогодними каникулами — было недоступно, просто потому что места забронировали и выкупили еще до нашего перевода.

В новой школе было светло и свободно, стены разукрашены в какой-то орнамент, который видимо должен был мотивировать детей на креативные подвиги и внимание к урокам.

Класс Сашки я нашла не без труда и, конечно, оказавшись одной из последних (что странно, учитывая мой свободный график) пришлось занимать то место, что было доступно — место рядом с Димой.

— Итак, кажется теперь все в сборе, кроме мамы Коли Орлова, но она предупредила, что не сможет присутствовать, — провозгласила Елена Анатольевна, классная руководительница, — тогда приступим и начнём с результатов контрольных работ, которые были написаны на этой неделе...

Учитель говорила чётко и только по делу, отмечая сильные стороны отдельных учеников, стараясь не акцентировать внимания на недоработках других. Я же словно пребывала в вакууме, не дышала и направо старалась голову не поворачивать.

Мне казалось, что вся я целиком от кончиков ушей до самых пят превратилась в красный помидор. Вроде взрослая женщина, мать второклассника, но почему-то глупая привычка краснеть, осталась при мне.

Дима же, судя по всему, вообще никакой неловкости не испытывал. Да и с чего бы, это же не ему посчастливилось щеголять почти в неглиже перед едва знакомым мужчиной.

— А сейчас я предоставлю слово родительскому комитету, который еще раз проинформирует вас о предстоящей поездке, — Елена Анатольевна закончила свой длинный монолог, с лёгкостью фокусника переключив внимание на первую парту среднего ряда.

Зиночка и Аллочка (фамилий я честно так и не запомнила) были из тех родительниц, что могли строчить в школьный чат в любое время дня и ночи, а не получив ответы на интересующие себя вопросы названивать лично до потери сознания. Потери сознания того, кто посмел их игнорировать, конечно.

— Итак.

— Итак.

Женщины говорили почти одновременно и чувствовали необходимость дублировать

друг друга, словно в классе собрались дети, а не их родители.

— Завтра мы отъезжаем от школы ровно в пятнадцать ноль-ноль.

— В пятнадцать ноль-ноль мы просим Вас с теми вещами, что были указаны в рекомендательном списке привести детей к центральному входу.

— У центрального входа будет стоять автобус, и мы! Со списками.

— Всё очень строго и организовано.

Эта тема меня не касалась совершенно, поэтому я без зазрения совести и слишком очевидно даже для себя, отвернулась в сторону окна и делала вид, что танец белых снежинок на фоне чернеющей мглы пустыря за спортивным школьным стадионом — это достойное для созерцания зрелище.

На самом деле я бы предпочла так и просидеть до конца собрания, но насмешливый голос вынужденного соседа заставил меня обратить на него внимания.

— То, что ты пытаешься рассмотреть в окне, не может быть интереснее того, что я видел вчера.

Вот же.

— Могу поспорить.

— Не можешь. Поверь мне.

И сказано это было таким тоном, который не терпел никаких возражений, а верить ему хотелось сразу и безоговорочно. Что, конечно, было неправильно.

Попасть под обаяние занятого мужчины, это словно добровольно лечь под каток, позволяя тому раскатать себя до состояния истерзанной муками совести ветоши. Печально и грустно, особенно если эта самая совесть присутствует.

— Анастасия Алексеевна? — в этот раз от тяжелых мыслей и коварного взгляда темно-зелёных глаз меня отвлекла Зина. Или Алла? — У нас в поездке освободилось одно место. Коля Орлов приболел и завтра его точно не будет. Саша присоединился к классу недавно и было бы здорово привлечь его к такому с другими ребятами, так сказать для сплочения коллектива. Вы сможете подготовить всё необходимое для поездки до завтра? К тому же нужно будет перевести сумму за путёвку. О! И еще есть одно свободное место для взрослых, я слышала, что у вас ненормированный рабочий день. Поедете вместе со всеми.

Клянусь, женщина сказала всю эту речь, не сделав ни единого перерыва на то, чтобы выдохнуть. А последнее предложение вовсе не звучало как вопрос.

И видимо моё затянувшееся ошеломлённое молчание из-за слишком быстро развивающихся событий было воспринято как согласие.

— Отлично. Дмитрий, вот вам и напарница, — весело хлопнула в ладоши Алла. Или Зина?

— На-на-наапарница? — я повернула голову направо.

Хитрый шатен рядом кивнул как ни в чём не бывало.

— Кажется, выходные обещают быть весьма интересными, — подмигнул он.

А мне кажется, что я окончательно потеряла возможность выбраться из-под этого катка, по имени Дмитрий Плотников.

Это волшебство!

Иначе как объяснить тот факт, что в пятницу от сильнейших морозов середины недели осталось лишь лёгкое напоминание в виде уверенных «минус трёх» и полного отсутствия ветра. Да и сам прогноз обещал прекрасную погоду на выходные.

Вчера вечером, когда я вернулась домой (в сопровождении Димы, не перестававшего отпускать шуточки на тему моей почти полной наготы) и сообщила Саше о том, что он может собираться в поездку, счастьем сына не было предела.

— А мы будем там устраивать снежные бои? А мне брать мячик? А карты? А лыжи?

Лыжи? Разве у нас разве где-то были лыжи?

— Саш, давай ты успокоишься и в первую очередь позаботишься о тёплых вещах, — я сложила руки на груди, пытаюсь изобразить из себя строгую родительницу.

— Но мам! Катя сказала, что вечером будет костёр и хоровод вокруг ёлки. На той базе соберутся ребята с разных школ. А ты знала, что её папа тоже едет? Ты же правда тоже поедешь? Он больше тебя не обижал?

Дима и Саша уже перестали чувствовать себя неловко в обществе друг друга. В среду, когда он вернулся домой, погостив у Плотниковых дома, я не услышала от своего мальчика никаких историй про ссоры или недопонимания между ними. В общем-то в тот день даже имя Анжелы не прозвучало. Я старалась не думать о том, что бы это могло значить (или не значить).

— Думаю, что у папы Кати никогда не было намерения меня обижать, — сказала я. — Он просто переживал за девочек. Даже представить не могу ситуацию, в которой теряю тебя или не знаю, что с тобой происходит.

Саша и без лишнего напоминания понимал, что в тот день поступил не очень хорошо, но его безответственность была списана на растерянность и искреннее желание помочь. А затем на страх, что их поймают.

— Ну, тогда я пошёл собирать вещи.

— И не забудь, что завтра еще есть учёба.

— Конечно-конечно, — с этими словами его голова скрылась за дверью пока еще нашей общей спальни.

А я, вымыв посуду и очень пристально изучив список, рекомендованный для поездки, решила сделать кое-что давно задуманное.

Утром в пятницу я чувствовала себя ужасно. После пары часов сна на неудобном диване, хотелось лишь упасть пластом в негу огромного надувного матраса. Но я сделала то, что задумала еще пару дней назад и была крайне собой довольна.

Несмотря на резь в глазах и ломоту в пальцах, я постаралась мыслить позитивно и приступила к сбору тех вещей, за которые должны отвечать родители.

Термос в дорогу с горячим чаем и контейнер с бутербродами в дорогу (хотя ехать нам всего пару часов), два коробка спичек (хотя в домиках есть электроплитки, а наличие мангалов предполагает, что и средства розжига имеются), носки шерстяные — три пары для каждого из нас и что-то еще из крайне необходимого и не очень. Получилось два рюкзака под завязку.

Сашка пришёл вовремя и быстро ринулся на кухню, чтобы пообедать.

— Как день в школе? Никаких изменений на поездку нет? — спросила я.

— Нет, и погода отличная, мам! Мне кажется, что это будут лучшие выходные! Дядя Илья сказал, что если мне не понравится, то потом он возьмет меня на каток, чтобы поиграть в хоккей. Но я уверен, что всё будет круто.

Он продолжал весело щебетать, а у меня просто сжалось сердце. Так было не в первый раз.

Дети иногда такие странные, веселые словно игривые щеночки, а глаза всё же выдают грусть и опасение.

Я упустила момент, когда мой сын впервые получил неприятный комментарий в спину о том, что его мать не состоялась как женщина достойная быть замужем и, что его отец — скорее миф, чем реальность. И я не знаю, сколько именно он носил эти переживания в себе, пока однажды не спросил меня про это. Точнее прокричал. И обвинил.

И едкое мамимо: «*Я же говорила*», прямо в спину.

Объяснить мальчику четырёх лет о своих разбитых мечтах на жизнь — невозможно. Врать — я не могла. Разговор не был гладким и правильным, и сыну не всё из сказанного понравилось.

Он затаил обиду на меня. И на своего отца тоже, но больше никогда об этом у меня не спрашивал.

Саша задавал вопросы Илье и, кажется, с тех пор именно в моём брате видел единственную точку опоры в жизни. Мужчин, которые ко мне приближались он и вовсе старался отпугнуть и шокировать разными способами. Часто получалось удачно.

— Всё обязательно будет хорошо. Только слушайся меня и дядю Диму. Уверена, что на него тоже можно положиться.

Сын поставил пустую тарелку в раковину и открыл кран, чтобы её вымыть.

— Я подумаю, можно ли ему доверять.

— Он ремонтирует твою будущую спальню вообще-то. Будь паинькой, а то цвет стен из синего может превратиться в персиковый или розовый.

Саша улыбнулся и покачал головой.

— Я не думаю, что такое возможно. Если он хочет понравиться тебе, то должен понравиться и мне.

Этот ребёнок мыслит слишком широко и дерзко.

— А я думаю, что тебе нужно снова проверить всё ли ты подготовил для поездки. У тебя полчаса на сборы, скоро будет пора выходить.

Сын удалился с кухни, а меня оставил с кучей мыслей и вопросов, ответы на которые я, возможно, совсем скоро получу.

А пока... пока буду просто наслаждаться прекрасной погодой и ожиданием классного отдыха.

Глава 12.2

В детстве я тоже ездила в поездки с классом. В основном на экскурсии в музеи или фабрики какого-нибудь интересного производства. И это всегда было шумно и весело, а сейчас, оглядываясь назад, чтобы проверить точно ли с нами едет орава второклассников, я мотнула головой.

— Ты чего? — Дима, сидевший со мной рядом, впервые после короткого приветствия заговорил.

Он выглядел напряжённым. Даже взвинченным.

Каштановые волосы были в полном беспорядке и я могла видеть это потому, что он снова был без шапки. Он не носил головные уборы, чтобы женщины вокруг завидовали густоте шевелюры и его идеальному блеску и цвету? *Нет, правда, с таким отношением к этому вопросу он может начать лысеть уже в сорок. Или нет?*

Так или иначе, от Димы разве что искры по сторонам не отскакивали. Когда он забирал мои вещи, чтобы сложить в багажный отсек казалось поездка не будет весёлой и развлекательной.

Она и не была.

Дети молчали, уткнувшись каждый в свой гаджет уже целых сорок минут. Экскурсовода нам не предоставили, так что ожидания от веселой дороги были так же далеки от реальности как фото платьев с Алиэкспресса и полученные посылки.

— У меня всё отлично, — коротко и ёмко ответила я, растянула пластмассовую улыбку, вцепившись пальцами в свой пуховик.

— Хорошо.

— Да, отлично.

У Димы было более выигрышное положение у окна, поэтому он отвернулся, еще более мрачный, чем минутой ранее, а я сосредоточенно уставилась в лобовое стекло и монотонную белую дорогу.

На нашем пути была пара населенных пунктов с домами по два окошка и приветливо дымящимися трубами. Где-то там возможно пеклись пирожки, как раньше у бабушки в дереве. Там наверняка было тепло и уютно.

В моей семье такой теплоты я не чувствовала очень давно, а Сашка возможно не почувствует никогда. И в этом тоже отчасти была виновата я сама.

— Настя. — Дима дотронулся до моего локтя и, кажется уже не первый раз. — Настя! — Он помахал ладонью у меня перед глазами, чтобы привлечь внимание на себя и ослабил хватку лишь когда понял, что достиг желаемого эффекта. — Тебе плохо?

— Что? — Я повернулась к нему, и наши лица оказались слишком близко, чтобы даже просто смотреть друг другу глаза в глаза. А в этих глазах можно было заблудиться, даже имея на руках самую подробную и точную карту.

— Ты слишком бледная. Замёрзла?

— Что?

Мой голос осип и словно не принадлежал своей хозяйке, знакомый аромат витал вокруг нас, объединяя общей тайной, или у меня просто слишком богатое воображение и всё еще сильно болит голова из-за отсутствия сна прошлой ночью.

— Если скажешь «что» еще раз я попрошу развернуть автобус. — Ладонь Димы

оказалась на моём лбу. Сухая и тёплая. — Температуры нет. Тебя тошнит?

— Нет, — усилием воли я отодвинулась от него и постаралась создать между нами комфортное расстояние. Это было не просто.

Его раздражение ушло слишком быстро и, кажется, я уже не впервые испытываю на себе эти его рыцарские порывы. Такого в моей жизни еще не происходило. Такого приятного чувства, когда ты можешь и тебе хочется положиться на кого-то. Отдать часть своих проблем в надёжные руки.

Но привыкать к этому не стоило.

— Я просто мало спала.

— Почему?

— Что ж, должна признаться в этом есть часть твоей вины, — я отмахнулась, словно сказанное не несло никакой особенной важности, и наклонилась, доставая свою сумку из-под сиденья.

Открыв ее, я достала небольшой пакет, который не решилась вручить сразу, поймав не очень-то позитивный настрой Димы. Но, в конце концов мои усилия стоили того, чтобы он взглянул на результат, иначе часы жизни оказались потрачены зря.

— Ты по какой-то причине решил, что я не должна возмещать тебе сумму за потраченные на ремонт комнаты материалы и тем более за саму работу, — Дима явно напрягся от такого начала, но я жестом показала ему молчать, проведя сомкнутыми пальцами по своим губам, закрывая их на замок. — Ты сказал, что умеешь это делать лучше всего и что таким образом хочешь отблагодарить меня и извиниться за грубость. Я почти не спорила и приняла твои доводы, поэтому прошу тебя не спорить и принять вот это.

Так в руках моего временного соседа оказались две шапки. Одна из них мужская, черная и строгая, другая — подростковая лавандового цвета с огромным помпоном.

— Я никогда не видела тебя в шапках, даже в лютый мороз, который свалился на нас пару дней назад, а эта поездка предполагает, что мы будем много времени проводить на улице. Ты же не собираешься отморозить себе уши?

Дима разглядывал то, над чем я работала полночи, перебирая в руках и ощупывая пальцами стройные ряды петелек. На самом деле это была простая шапка с двойной ниткой и отворотом, как раз для зимы, но не слишком громоздкая и не выглядевшая, словно прилизанный колпак.

— Может быть примеришь? — раздражённо протараторила я, смотря как он медлит.

— Здесь тепло.

Вот трепло.

— Я не прошу в ней ехать всю оставшуюся дорогу.

— Мне не идут шапки.

— Что это тут у вас? — Катя поравнялась с нашим рядом нарушая предписанную технику безопасности. — Ого, тетя Настя, а это мне? Какая классная! Можно?

У девочки не было проблем с подарками, в отличие от отца. Она быстро водрузила шапку на голову и побежала обратно к своему месту, наконец-то пробуждая ото сна улей своих одноклассниц, которые стали рассматривать и обсуждать её обновку.

— В пакете еще две пары варежек, а после отдыха я и Веронике свяжу точную копию Катиной шапки, только размером поменьше. — Выронила я, чувствуя, что если он скажет хоть слово, взорвусь, не то от возмущения, не то от обиды. — Это всего лишь шапки. Возьми и не мёрзни! Так я хотя бы не буду чувствовать себя плохо, в очередной раз, запирая тебя в

комнате для её ремонта.

Дима еще некоторое время повертел в руках вязаное изделие и водрузил себе на голову.

Что ж, кому-то нравятся мужчины в дорогих костюмах и на крутых иномарках. Кто-то любит мужчин в форме или с дорогими часами на запястье.

Но кажется, что я нашла свой собственный пунктик и одного конкретного мужчину, которому невероятно подошла шапка моей работы.

На турбазе, куда нас доставил автобус, было девять домиков размещением от восьми до двадцати пяти человек. Три самых больших из них были заполнены как раз классами из разных школ, в том числе и нашей. Из взрослых в автобусе были я, Дима и Елена Анатольевна. После шести уроков и организации поездки выглядела женщина уставшей, поэтому мы с ним как-то не сговариваясь решили взять инициативу по расселению и присмотру за детьми сегодня на себя.

Мы приехали почти в семь часов вечера, когда на улице уже стемнело и застали чудесную картинку.

Территория была полностью укрыта снегом, которым накануне щедро поделилась небесная канцелярия. Огромные ели на своих зеленых лапах держали пуховые покрывала и клонились к земле. Они тянулись вдоль широкой тропы, ведущей к месту, где сейчас горел большой костёр, и шло какое-то развлекательное представление. Аниматоры или просто массовики-затейники пели частушки и танцевали, вовлекая в действие детей и взрослых. По округе разносились звуки бубнов, свистков и, кажется, барабанов.

— Давай помогу, — Дима забрал у меня второй рюкзак, который я не могла разместить за спиной, и двинулся в сторону дома, от которого комендант базы дал нам ключи. Это были его первые слова с тех пор, как я вручила ему подарок. Он принял его. Мне было приятно. Но разве одно короткое «спасибо» было бы слишком в таком случае? — Считай их и пошли, мы должны успеть на ужин. Все же хотят есть?

Детское «Да!» веселым эхом отозвалось на его вопрос и все дружно стали выбираться из автобуса и строиться парами.

У меня был список детей и инструкции от родителей, важные и не очень. У кого-то была аллергия на некоторые продукты, и на это точно следовало обратить внимание, а кто-то любил спать в разных носках, и ни в коем случае нельзя было этого допускать.

В общем, на построение ушло минуты три, на перекличку еще две и мы двинулись к домику, где рассчитывали провести две ночи и один очень насыщенный день.

Программа была простая: сегодня ужин и прогулка по территории (если все будут себя хорошо вести), завтра организованные игры на природе, праздник у ёлки с подарками и Дедом Морозом и дискотека. А в воскресенье отправление домой сразу после завтрака.

Всё было просто и сложно одновременно.

Меня действительно раздражало молчание Димы. И если он хотел разжечь моё любопытство, то у него отлично получилось это сделать.

— Мальчики занимают комнаты на первом этаже — девочки на втором! — скомандовала я, едва дети вбежали в прихожую и, забыв снять куртки и шапки, начали изучать территорию с криками «Это моя кровать! Нет моя!».

— Но Анастасия Алексеевна, пожалуйста, на первом этаже есть кухня! — девочки показали пальцем в сторону столовой.

— А на втором балконы! — мальчикам хотелось забраться повыше, чтобы пошалить.

— Класс, внимание! — я еще никогда не слышала, как себя на уроках ведет наш учитель, поэтому слегка вздрогнула от твёрдого голоса, совсем не похожего на тот, что мы слышали на собрании.

Но дети буквально через мгновение замерли, а те, кто успели убежать на второй этаж,

потянулись стройной змейкой вниз.

— Прошу вас обратить внимание, что слова Анастасии Алексеевны и Дмитрия Ивановича в данной поездке имеют такое же значение, как и мои. Помните, что ваши родители доверили вас в наши руки на три дня, поэтому будьте любезны вести себя хорошо и слушаться взрослых. Никуда без нашего ведома из домика не отлучаемся. С тропинок и дорог не сходим. В сторону леса и за предел территории даже не смотрим. К вещам и игровому оборудованию относимся бережно. Всё ясно?

Неровный строй детских голосов отозвался согласием и все они стали перемещаться согласно обозначенному ранее плану.

— Не переживайте, Анастасия, с детьми надо быть строгим, но чутким. Это приходит с годами. А когда их много и все такие разные, каждый со своим характером, тут невольно станешь и психологом, и подругой и еще одним родителем.

— Мне казалось, что раньше на мнение и взгляды детей совсем не обращали внимания.

— Раньше и дети были другие. Но думаю, что сейчас не лучшее время это обсуждать. Пойду, поищу свободную кровать на втором этаже. И вам тоже советую, потому что девочек в классе больше, чем мальчиков.

Елена Анатольевна, конечно, оказалась права, и места мне в девчачьей части домика не хватило. А единственной доступной для сна кроватью оказалась та, что была в крайней слева спальне и, судя по огромному синему рюкзаку, на соседней кровати расположился Дима.

Ладно, мне было не восемь лет, и пару ночей спать в одной комнате с мужчиной мама запретить не сможет. У меня с собой была фланелевая пижама, тапочки и твёрдая уверенность в том, что если мужчина не хочет со мной говорить в принципе, то и молчаливое соседство не доставит ему хлопот. Я вполне могу забыться с электронной книжкой или просто уснуть, слушая музыку.

Через десять минут мы все дружно отправились на ужин, а после разрешили детям изучить игровую площадку, облазив все конструкции до полного истощения сил. В итоге уже после десяти, убедившись, что все строго соблюли рекомендации перед сном — почистили зубы, умылись и надели пижамы и сухие носки — мы развели малышню по их комнатам. Елена Анатольевна тоже тихо удалилась.

Так в столовой остались только я и Дима. Объединённые неловким молчанием. И его взгляд, направленный на меня, выражал полное понимание сложившейся ситуации.

— Слушай, я не буду мешать тебе ночью и я не храплю, — слова вылетели сами собой. Я просто не успела подумать о том, что собралась взболтнуть чего-то лишнего. — Я сейчас быстренько переоденусь и усну. Ты меня даже не заметишь. Я так устала, что отрублюсь быстрее, чем всё это стадо восьмилеток.

И с этой неловкой шуткой, я поставила гранёный стакан, из которого пила крепко заваренный чай, в раковину и пулей вылетела в коридор, поспешив к заветной двери, чтобы скрыть смущение и пылающие щёки в её спасительной темноте.

Правда я даже не успела её за собой закрыть, как почувствовала сначала лёгкий толчок в поясницу вперёд, щелчок дверного замка за спиной и хватку за руку с последующим разворотом на сто восемьдесят градусов.

И с поцелуем.

Таким горячим, что я и забыла, что только что пила обжигающий чай.

Таким сладким, каким бывает только малиновое мороженое на набережной в парке посреди жаркого июля.

И таким нежным... каких я еще никогда не знала.

Впервые я позволила мальчику поцеловать себя в восьмом классе.

Его звали Боря, и он получил шанс лишь потому, что первым догадался позвать меня показать «что-то интересное» вдали от любопытных глаз одноклассников.

Правда сначала он пригласил меня на танец на школьной дискотеке по случаю восьмого марта под «Потому что есть Алёшка у тебя» и как-то неуверенно сжимал свои пальцы на моей талии.

Поцелуй был быстрый и неловкий, совершенно детский. Впрочем, мы и были детьми, немного сумасшедшими и накрученными одноклассниками. Они дразнились и называли нас «парочкой», а мне тогда хотелось, чтобы Лёша просто ревновал.

Впрочем, это было неважно.

Дима поцеловал меня так, будто ждал этого слишком долго. Медленно и трепетно, задержав пальцы на щеках, затем перехватив голову за шею и запутавшись пальцами одной руки в волосах. Вторая спустилась вдоль спины на поясницу. Невинно, не пересекая никаких красных линий. Страстно, прижимая меня к мужскому телу.

Я бы не упала, даже если бы теряла сознание, настолько крепко он держал меня, но всё же вцепилась пальцами в его руки и медленно, безо всякой причины и логики, прошлась ладошками до его головы. Запуталась пальцами в волосах. Сцепила в кулачки. Потянула.

Дима прикусил мою губу, и я зашипела.

«Хватит», — кричало сознание.

— Хватит, — выдохнула я, воспользовавшись первой же возможностью, которая у меня появилась.

Я отклонилась назад, но из плена сильных рук не вырывалась, словно застыла где-то посреди странной неопределённости.

Невысказанное желание. Молчаливое приглашение. Мой совершенно ясный отказ.

Совершенно глупый.

— Ты не свободен.

Глаза напротив приоткрылись, и в них потух едва зародившийся огонь сопротивления. Руки, сомкнутые вокруг моего тела, разжались.

— Должен ли я извиниться, Настя?

«Да, конечно», — подумалось мне, хотя звучали бы эти слова крайне неловко.

— Нет.

И я не стала сопровождать свой ответ комментариями.

Я не могла себе соврать. Мне понравилось.

— Извини. Я не хотел тебя смущать. Я выйду минут на десять. И спасибо за подарок, мне понравилось.

Дверь за ним закрылась так быстро, что я даже не успела ответить.

Кажется у него есть эта супер способность — исчезать из помещения, так же быстро как и появляться в нём.

Я же осела на кровать. Анализировать случившееся — едва ли благодарное занятие, поэтому я просто механически делала то, что следовало. Переоделась, взяла туалетные принадлежности и сходила умыться. По возвращении в комнату Димы так и не обнаружила, забралась под одеяло в надежде уснуть как можно скорее. День был долгим и утомительным,

а вечер слишком эмоциональным.

Но сон не шёл.

За окном было слишком тихо, а хотелось бури, чтобы она воем и шумом создала хоть что-то напоминающее колыбельную или хотя бы посторонние звуки, которые могли бы отвлечь от случившегося.

Дима вернулся, ... не знаю, возможно, минут через пятнадцать, а по ощущениям я ждала его около двух часов. *Ждала?*

Он вошел тихо и практически в точности за мной повторил всё те же манипуляции — переодевание, умывание, кровать. Дышал ровно и размеренно. И не спал. Прямо как и я.

Я закусила губу, чтобы удержать рвущиеся изнутри вопросы. Их было так много, что казалось, голова прямо сейчас взорвётся от напряжения. Но я не знала, имею ли права на ответы.

Прошло довольно много времени и мне в какой-то момент показалось, что Дима уже уснул. Я перевернулась на другой бок, лицом в комнату, потому что тело затекло от неудобного положения, и практически сразу взглядом встретила с его зелеными глазами.

— Спокойной ночи, Настя.

— Спокойной ночи, Дима.

Но той ночью я почти не спала.

От тяжелого дыхания кружилась голова, и мысли разлетались по сторонам. В глаза словно насыпали песка, и они закатывались сами собой, не то от яркого солнца, не от близости моего наглого соседа по комнате. Я пыталась вырваться, но Дима держал меня настолько крепко, что, в конце концов, это стало невозможным.

Я попыталась приподнять ресницы и очаровать его своей мнимой покорностью, надеясь, что вчерашнее происшествие сыграет мне на руку. Языком прошлась по верхней губе. Прикусила нижнюю и заметила как он пристально разглядывает каждое моё действие.

А затем его кадык прошёлся вверх-вниз. Что ж. Один-один.

— Отпусти меня. Пожалуйста, — прошептала я, как мне казалось с придыханием и трепетом по всему телу.

— У тебя эпилепсия? — Поинтересовался Дима, приподняв одну бровь, словно не он секундой назад собирался наброситься на меня.

— Нет.

— Тогда держи.

За тихой угрозой последовал оскал монстра и крепкий сбитый снежок был размазал прямо по моей шее.

Я зашипела и хотела кинуться на него с кулаками, но что толку, если моя красная капитанская повязка была утрачена, а по спине стекали холодные хлопья мокрого снега, добираясь до самых трусов.

Можно было пошутить на тему того, что он не совсем правильно понимает смысл того как именно должно у девушки намочить нижнее бельё, но что может лиса прости гризли. А Дима действительно был чем-то похож на дикого медведя.

После завтрака и небольшого перерыва нас пригласили сыграть в какую-то странную помесь пейтбола — где вместо пистолетов были снежколепы, а вместо пуль с красками — сами снежки. У нас было две команды и цель — выиграть.

Девочки рассчитывали на нашу природную хитрость, но в какой-то момент я поняла, что Катя подыгрывала папе за хитро выуженное обещание давно желанного подарка на новый год (предательница!), да еще и нескольких подружек уговорила.

Я, конечно, попыталась переманить Сашку. Он почти согласился на оригинальный Лего Хогвартса, когда вражеский капитан застал меня врасплох. Это был отличный тактический ход с их стороны.

И мой полный провал.

— Сдаёшься? — рассмеялся Дима, поправляя сползшую на глаза шапку.

Она и правда ему понравилась. И была очень к лицу.

— Сейчас — да! Но только на этот раз, Плотников!

— Я на это надеюсь.

Он протянул мне руку и помог выбраться из сугроба, в котором я застряла по колено. К счастью я предварительно взяла с собой нормальные теплые штаны вместо любимых джинсов, и обула дутики, вместо непрактичных Угг, которые сейчас были бы больше похожи на калоши, промокшие и изнутри и снаружи.

Мне казалось, что я вешу как бегемотиха Глория из «Мадагаскара», но Дима поднял меня скорее как Дюймовочку, и даже взял на руки. От такой внезапной заботы у меня

случился приступ неверия и отрицания происходящего, поэтому я стала брыкаться и выворачиваться.

— Если ты не остановишься, то мы свалимся оба.

— Я могу идти своими ногами.

— Я знаю, Настя. — И снова, этот гипнотический голос практически полностью лишил меня силы воли. Руки покорно сомкнулись на шее, и я почти что расслабилась, пока очередной кусочек снежка не заполз аккурат между ягодиц, напоминая о предательской шалости. — Тебе нужно переодеться.

— А тебе следить за своим поведением, — огрызнулась я, всё-таки поставленная на землю, когда под ногами оказалась более-менее вмятая тропинка.

Дети начинали собираться у домика, где их поджидала Елена Анатольевна, чтобы позвать на обед. Они прилично убежали вперед, словно не потратили последние три часа перебираясь через сугробы и бегая от противников.

После нас ожидало вечернее представление, похожее на то, что мы видели вчера, только с нашим непосредственным участием.

На мой упрёк ответа не последовало, и Дима мог подумать, что я обвиняю его в том, что он поцеловал меня слишком неожиданно, особенно учитывая, что мы не пара. Или в том, что он поцеловал меня, находясь в отношениях с другой девушкой.

Я не знала, что задевало меня больше.

Он шёл позади и каждый раз, когда я опасно кренилась в сторону, теряя равновесие, хватал за капюшон, прямо как я иногда делала с Сашкой. Словно маленькую неумёху. Словно ребёнка, который нуждается в заботе и подстраховке.

Возможно я нуждалась, поэтому не одёргивала его и позволила это делать.

Мы уже почти дошли до той части турбазы, где начинаются домики, когда справа от нас треснуло несколько веток.

— Что это? — пискнула я, и очень медленно повернула голову за спину.

Я надеялась увидеть спокойного и уверенного в себе мужчину, который сейчас улыбнётся и скажет что-то едкое и смешливое, прямо как десять минут назад. Но нет. Дима, полным серьёзности голосом так же тихо ответил:

— Насть, возможно, это медведь. Тебе лучше бежать первой.

Честно говоря, мне сложно представить хоть одну ситуацию в жизни, когда бы от страха за себя у меня вся жизнь пролетала перед глазами за одну секунду.

Однажды. Лишь однажды мне казалось, что я чуть не умерла от страха за Сашку.

Ему было два года, и как многие дети он тянул в рот всё, что не приколочено к полу, имеет яркий цвет и можно попробовать на зуб. А у меня как раз было кое-что очень подходящее под это описание.

Я коллекционировала киндер-игрушки — те самые, которые раньше составляли целые наборы — пигвинчиков, дельфинов и бегемотов. Еще в школе я застала конец той эпохи, и хотя мама с папой были против Илья всегда находил способ достать мне новый экземпляр для коллекции. После того как я забеременела Сашкой жизнь сильно изменилась и маленькие радости сменились большими скандалами, а после рождения сына — бессонными ночами.

Я задвинула свою коробку с этими «сокровищами» в самый дальний угол нижней полки письменного стола и практически про него забыла, пока однажды не вернулась домой с одной из смен в магазине и не обнаружила её буквально выпотрошенной.

— Что случилось?

Мама пожалала плечами и кивнула на Сашу, который игрался пингвином-официантом и бегемотом-капитаном.

— Он нашёл какой-то старый мусор. Давно пора было избавиться от этого хлама. Кто знал, что мальчику так понравится возиться с ними. Он почти два часа даже не капризничал.

Она была занята проверкой домашних заданий и за внуком если и смотрела, то лишь изредка и не совсем пристально. Я же с ностальгией стала собирать все рассыпанные по полу фигурки, которые мама так неосторожно окрестила мусором. Это были мои маленькие сокровища. Складывая их в коробку, я знала, как и в какой момент появилась каждая из них в этой коллекции и, конечно, знала их точное число. Но даже с учётом тех двух, что сейчас своими маленькими пальчиками сжимал малыш на полу, сидя у моих ног — одной точно не хватало.

Я пересчитала снова. И снова. Затем стала оглядываться вокруг себя и ползать по полу, сдвигая со своих мест стул и маму, сидевшую на нем, заглянула под диван и даже слегка приподняла его. Я искала за столом и вдоль всех плинтусов. И только потом посмотрела на Сашку, который весело потянул кулак, с зажатым в нём маленьким «киндером», ко рту.

Ту страшную ночь я помнила слишком хорошо. Крики, слёзы, обвинения, моя истерика и родительское равнодушие.

Нет, никакого такси — слишком дорого.

Скорая? Ждать час, у нас куча вызовов. Ждать всё-таки будете?

Приёмный покой детской областной больницы, рентген и перепуганный Сашка, ревуций в моих руках.

Уже имея на руках снимки и заключение от врача, что никаких инородных тел мой сын не глотал, я получила звонок от отца, где он сухо сообщил, что игрушка нашлась на столе под кипой тетрадей, и что из-за меня у мамы поднялось давление.

Мне хотелось смеяться и плакать, но это был самый страшный день в моей жизни, когда

я от ужаса чуть не сошла с ума.

И это первое, что пришло мне в голову после слов Димы, о том, что возможно мы сейчас встретим настоящего медведя — страх оставить сына совсем одного в этом огромном мире — почти без поддержки и любви. Я должна была выжить любой ценой. Поэтому я не стала оборачиваться и сделала то, что посчитала крайне логичным — рванула в сторону ближайшего дерева и с ловкостью, которую не демонстрировала даже на уроках физкультуры, подтянулась на самой низкой ветке. А потом забралась еще повыше и прижалась к столбу, обхватив его руками, на случай если медведь решит дерево расшатать и скинуть меня, как спелое яблочко.

В голове шумело от адреналина и страха, а глаза были крепко зажмурены. Я так боялась представить, что огромное мохнатое чудовище могло сделать с Димой, что не сразу расслышала смешки, раздающиеся откуда-то снизу.

— Настя, слезай оттуда, я пошутил. Снег упал с ёлки и видимо повредил высохшие ветки кустов, — всё ещё со смехом выдал этот негодяй.

Он не подавал признаков вины и смотрел на меня снизу вверх с чувством снисхождения, как на нашкодившего ребёнка, от которого большего и не ждут. Лишь глупых поступков. Решений за гранью логики. Выставление себя на посмешище.

Так ли я выглядела, когда подарила ему свой подарок?

Или когда ответила на поцелуй?

Было до того обидно, что хотелось не столько плакать, сколько закопать его в снежном сугробе. Или выцарапать глаза, чтобы зелёный блеск не был таким ослепляющим и весёлым.

— Ты просто чудовище, — прошипела я, всё еще крепко сжимая двумя руками дерево. Голос дрогнул, и теперь хотелось плакать совсем по другим причинам.

— Насть, да брось. Я тут внизу мог бы быть растерзан на части кровожадным хищником. Разве ты не рада, что я просто пошутил? — Дима всё еще не выказывал ни грамма раскаяния. — Спускайся вниз, и не заставляй меня лезть к тебе. Не думаю, что у меня получится так же ловко.

Он махнул рукой, действием повторяя свои слова, но я никак не могла понять, что должна сделать. На смену страху пришла злость, а её уже сменил новый виток испуга. Я никогда не боялась высоты, но приросла к ветке своей пятой точкой прочнее, чем любитель сериалов к дивану, когда НВО выпустил последний сезон «Игры престолов». Ни за что не встала бы с места, пока не узнала финал.

— Спускайся, Настя. — Дима поднял обе руки и подошёл еще ближе, показывая, что подстрахует меня и не позволит упасть, несмотря на неуместный розыгрыш. Его голос больше не был насмешливым. Но он так и не извинился.

— Ты не отойдёшь? — едко уточнила я.

— Нет.

— Ты — идиот и самодур!

Он согласно кивнул и снова протянул руки вверх, практически касаясь кончиками пальцев носков моих дутиков.

— Я знаю. Знаю. А теперь спускайся.

До конца дня я собиралась отомстить Диме. И не самым «взрослым» способом.

Но обо всём по порядку.

Когда я не самым грациозным образом приземлилась в его руки, спрыгнув с ветки, и придавила всем своим весом в сугроб — во мне взвыл дух отщепенца. Но его внимательный взгляд и обеспокоенный вопрос о том, не ушиблась ли я, выбил из колеи.

Такая перемена настроения и интонаций были для меня слишком инородными. Я привыкла, что меня ругают. Постоянно. Делаю ли я что-то правильно или нет. Могу я пострадать от этого или нет. Болею или получаю диплом о высшем образовании — родители и почти все посторонние люди всегда находили причину отчитать меня за что-то.

— Ты в порядке, Настя?

— Не считая моей поруганной гордости? Вполне. Но я это запомню, Дима, и отомщу.

Я попыталась встать и зашевелилась на нём, но крепкие руки сомкнулись в районе поясицы.

— Не торопись, нужно проверить все ли кости целы, — прошелестел он, пройдясь ладонями вверх до самых плеч, и спустился ими же вдоль рук, возвращаясь к мягкому месту.

— Там костей нет. И проверять нужно не мои травмы, а твои.

— Проверишь?

— Только на повреждение мозга. Но для этого нужно специальное образование и оборудование. Вернёмся в город — запишу тебя на МРТ.

Дима рассмеялся и позволил мне встать на ноги, после чего поднялся сам.

Мы вышли на тропинку и двинулись в сторону домиков. Я — всё ещё ругая его за шутку и обещая неминуемую месть, он — смиренно соглашаясь принять любое наказание.

Но где-то за несколько шагов до нашего дома телефон Димы зазвонил, и, повернувшись к нему на автомате, я выхватила с экрана смартфона имя «Анжела». Как сигнальный огонь, взорвавшийся не где-то высоко в темном небе, а прямо здесь, перед глазами.

Дима скинул вызов, но еще до того, как он успел убрать телефон в карман, тот разразился новым звонком.

— Ответь, я не буду мешать.

Было бы невежливо задержаться еще на несколько секунд, и всё же я сделала именно это, убедившись, что он снял трубку и с интонацией, совсем не похожей на ту, что он общался со мной ранее, ответил своей девушке.

Мне было любопытно, но не настолько, чтобы остаться и подслушивать чужой разговор, поэтому я развернулась и пошла в сторону домика.

Едва переступив через порог прихожей, я столкнулась с Катей, которая бежала вниз по лестнице, уже полностью переодетая в сухую одежду.

— А где папа? — спросила она.

— Ему позвонили, и он остался на улице поговорить.

Скинув с ног дутики и надев тапки, я пошла в сторону комнаты.

— Ему Анжела позвонила? — Катя тоже была любопытной, но в отличие от меня пока не понимала грани, за которые заходить не стоило.

— Возможно, я не уточняла.

Это была почти не ложь. Девочка же прошла за мной в спальню и села на кровать отца,

словно это было нормально и ничего странного не происходило.

— Удивительно, что она решилась позвонить ему, после того как получила отворот-поворот, — намеренно или нет, но Катя продолжила подпитывать во мне интерес к тому, что меня не касалось. — Она так разозлилась на него, когда он отказался оставить Нику вместе с ней на эти дни.

— Правда?

Я была сама невозмутимость, но на секунду замерла с флисовой кофтой в руках, расстегнув и застегнув молнию обратно. А потом еще раз.

Стоило взять себя в руки.

— Ника отказалась оставаться с ней и если бы я не знала, как она тогда испугалась, то решила бы, что сестрёнка подстроила всё это нарочно. Папа отвёз её к бабушке и дедушке, а Анжела сказала, что если ей не доверяют, то она лучше соберёт вещи и уйдет, — Катя хлопнула в ладоши, будто эта новость была лучшей из тех, что она слышала в последнее время.

Я подавила в себе глупое желание повторить за ней.

— И что потом?

— Папа сказал, что её никто не держит, и она ушла. Правда без вещей. Наверное чтобы вернуться. Мне кажется, что Анжела поэтому и звонит, чтобы уговорить его снова быть вместе и...

— А мне кажется, что ты еще слишком мала, чтобы совать свой нос в дела, которые тебя не касаются, — голос Димы, стоящего в двери не предвещал ничего хорошего.

Катя прикусила губу и не стала развивать свою мысль. Мятаж так и плескался в её светло-зелёных глазах, но она точно понимала, что этот спор сейчас уже не выиграть, поэтому поднялась на ноги и молча ретировалась из комнаты. Своё поражение она компенсировала громким топотом по скрипучему полу.

— А теперь ты, — Дима вошёл внутрь, прикрыв за собой дверь и вызывая непроизвольное чувство дежавю. Такое уже было. Совсем недавно. Правда было темно и загадочно. Сейчас лишь неловко. — С чего ты взяла, что имеешь право вмешиваться в чужую личную жизнь? Тем более выпытывать информацию у ребёнка.

От возмущения я так сильно дёрнула бегунком на треклятой флисовой кофте, что прищемила указательный палец.

— Чёрт возьми!

Это было как минимум неприятно, и кожу жгло в том месте, где позже обязательно появится красная отметка. Но хуже всего мне было из-за несправедливых и глупых слов.

— Я ничего у Кати не выпытывала, и свои нелепые обвинения можешь засунуть туда же, где живёт твоё чувство юмора.

Дима усмехнулся и сложил руки на груди.

— Да неужели? Дочка прониклась к тебе симпатией, поэтому ты решила побольше разузнать про отношения её отца. Я видел, как ты едва удержалась от желания остаться и узнать о подробностях моей личной жизни несколько минут назад.

Он не повышал голос, а отчитывал меня как нерадивую школьницу, которую поймали за интересом к молодому учителю истории, едва со студенческой скамьи, слишком неопытного, чтобы корректно отклонить притязания десятиклассницы, но слишком целомудренного и правильного, чтобы ответить взаимностью.

Похоже, что из меня пытались слепить матёрую соблазнительницу.

Серьёзно?

— Я-то удержалась, а ты совсем нет, — бросила я в ответ.

На секунду понимание озарило его лицо, и он нахмурился еще сильнее. Он зажал переносицу между пальцами и растёр её, как любой герой любой мелодрамы, когда хочет сказать героине какую-то не очень приятную новость.

— Послушай, Настя. То, что произошло вчера, было...

Дима не договорил, но я знала продолжение. В конце концов, кому в голову не ударяли эндорфины? Даже если вы мужчина около тридцати и несёте ответственность за двух детей (а может быть, особенно из-за этого), вам иногда стоит совершать вот такие вот глупые поступки.

Но я хотела услышать, поэтому провернула рукоять унижения до самого конца. Одной стороной в нём, второй — во мне.

— Скажи. Это сделать не сложнее, чем поцеловать. Ты, наверное, постоянно...

— Нет, — Дима отрезал мою фразу так же легко, как свою.

И в комнате повисла неестественная тишина.

Такая бывает, когда ожидаешь какой-то очень плохой новости, и её неизбежность пугает тебя. Тишина в такие мгновения спасает от всего. От мыслей. От надежды. От чувств и глупых ожиданий.

Я не должна была ничего от него ожидать и всё же в какой-то момент попала на крючок этой истории с несчастливым финалом. Прошло чуть больше недели, а я уже в полной жопе и по уши увязла в чувствах к человеку, которому это не нужно и который мне не принадлежит.

В чувствах, которым я даже не могу дать названия.

А теперь он считает, что я пыталась подкатить к нему, используя его же дочь. Это на него так вид моей едва прикрытой пятой точки подействовал?

— Я не использовала Катю, чтобы разузнать о тебе и о твоём статусе в личной жизни.

Если бы меня интересовал этот вопрос, то я бы спросила сама.

Смена темы с «опасной», на «еще-более-опасную» была как раз кстати.

— А тебя этот вопрос не интересует? — Дима посмотрел на меня с долей неверия и иронии. Как совсем не хороший герой любовной истории, за красивыми речами которого слишком много яда. И боли.

— Нет.

Я опустила на кровать несчастную кофту, пока окончательно не вырвала бегунок молнии и подошла к своему рюкзаку, точно припоминая, что брала с собой еще одну водолазку.

— Нет?

— Сколько раз я должна повторить, чтобы до тебя дошло? Или отказ так сильно задевает твоё мужское эго. — Я соврала, но слишком неумело. Поэтому попалась.

На секунду Дима завис, а потом снова улыбнулся.

Над нами послышался громкий топот нескольких пар детских ног (хотя на втором этаже поселились девочки, передвигались они явно не как леди). Класс собирался на обед, и этот нелепый разговор пора было заканчивать.

— Повтори еще раз, чтобы я убедился.

Ладно. Сам напросился.

— Ты меня не интересуешь. По крайней мере до тех пор, пока я не буду точно знать, что ты свободен от любых других обязательств перед женщинами. Я не люблю делиться. И еще, ты не подойдешь ко мне, пока я тебе не отомщу за твою выходку в лесу.

И с этими словами, победоносно выхватив вовремя нашедшуюся водолазку, я вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

— Мы должны устроить западню!

— Каким интересно образом?

— Подождём пока все уснут?

— Мне кажется, что здесь никогда не спят. Я слышала, как мальчишки болтали о том, что ночью играли в карты с Дмитрием Ивановичем.

Четыре пары глаз моментально обратились ко мне, словно ища подтверждения или опровержения данной информации о нашем «враге».

Пока основная часть класса присоединилась к весёлым играм у костра, Катя отвела меня в сторону, и предложила разыграть ночью мальчишек, измазав их лица нестираемыми маркерами. Даже я не была такой жестокой, поэтому сказала, что приму участие в шалости если мы заменим орудие мести на зубную пасту.

Катя победоносно улыбнулась, словно именно такой ответ маленькая лиса и хотела получить.

Эта девочка заставит своего папу сильно поволноваться, как только достигнет возраста, когда ею начнут интересоваться мальчишки. Или когда она сама проявит интерес к противоположному полу.

— Тетя Настя, это правда? — спросила её подруга.

Кроме старшей дочери Димы в заговоре участвовали еще три одноклассницы. Варя, Зарина и Оля не выглядели как последние хулиганки — скорее наоборот, но сегодня в них определённо вселились бесята, которые жаждали авантюризма и веселья.

— Не важно, нарушили они правила прошлой ночью или нет — важно то, что у нас не так много времени, чтобы продумать наш собственный план, — ответила я. — Катя, следи за папой. Он не должен исчезнуть из твоего поля зрения.

Мы скрылись за углом одного из домиков и обсуждали всё в полголоса, чтобы никто не подслушал и не заподозрил что-то неладное.

Я всё ещё злилась на Диму из-за его нелепого розыгрыша про медведя и своего унижения, когда не только забралась от страха на дерево, но и не самым грациозным образом свалилась ему на руки.

Что же до нашей последующей ссоры в спальне, то мне ничего не оставалось кроме как признать, что в его опасениях было рациональное зерно. Переживать за то, что к твоему ребенку могут проявить интерес просто в попытке добраться до тебя самого — нормально.

Из ненормального было лишь то, что всё наше общение похоже на постоянное перемещение по минному полю, и каждый новый шаг не предвещал ничего хорошего, даже если я точно знала, что он будет безопасным и правильным.

— Настя, возьми папу на себя, а как только закроешь дверь комнаты снаружи, мы уже будем ждать тебя на кухне.

— Здесь очень скрипучие полы, — я не могла поверить, что все они смогут бесшумно спуститься на первый этаж и никого не разбудить.

— Мы знаем, но постараемся быть тихими словно «ниндзя», — пропела Оля, показывая характерные движения руками.

— Если вы не будете шуметь как маленькие, но увесистые слоники, то это уже будет победа. И постарайтесь не потратить всю пасту, оставьте немного на утро, чтобы почистить

свои прелестные зубки, — улыбнулась я, и девочки рассмеялись.

Я не была уверена, что наша шалость сработает, да и Дима не был похож на того, кто спит так, словно его не разбудит соседская дрель.

Девочки по одной выходили из нашего укрытия и с разных сторон подходили к общему веселью. Я взяла с собой Катю для прикрытия, и мы бодрым шагом направились к её отцу. Она рассказывала мне про своё желание перекраситься и подстричь себе чёлку в стиле Венздей.

— Думаю, что тебе не стоит перекрашиваться в чёрный цвет. По крайней мере ближайшие лет пять, — ответила я, надеясь, что она поймёт мои слова правильно и уловит смысл того, что изменить стрижку — не такая уж и проблема.

Но, конечно, она даже не заметила этого.

— Я знаю, папа никогда мне не разрешит! Он иногда такой старомодный! Не понимаю, почему он не хочет поменять свою машину на что-то более современное. Или хотя бы телефон. Ты знаешь, что он до сих пор пользуется кнопочным?

Катя искренне взмахнула руками в воздухе и закатила глаза, будто речь шла не о покупке дорогого гаджета и тем более автомобиля, а о шоколадке или пачке сахара.

Я остановила её, взял за руку и осторожно развернула к себе, присев на корточки и, делая вид, что поправляю шарф на шее.

— Послушай, Катюша... — Я хотела продолжить, но от того, как именно я сказала её имя, девочка поморщилась. — Не нравится когда к тебе так обращаются?

— Нет. — Честно призналась она. — Мама так говорила.

Такого ответа я не ожидала, поэтому из головы вылетело всё, что я собиралась сказать ранее. Про их с Никой маму я совсем ничего не знала и не собиралась ничего узнавать специально. Мне нужно было просто и быстро сменить тему.

Но я не успела.

— Она всегда меня так называла. И даже в последний раз, — кажется, впервые я услышала в голосе этой девочки столько грусти. — В тот день мама просто сказала: «Пока, Катюша». Сказала и ушла. Я думала, что в магазин, но оказалось, что она и не собиралась возвращаться. Вероника плакала, а я...

Она остановилась и прижала свои мокрые от снега варежки к покрасневшему лицу и тихо вхлипнула. Катя плакала. Возможно не тогда, но сейчас точно. И я не знала, что делать в этой ситуации, поэтому просто прижала девочку к себе, чувствуя на плече тихие, почти беззвучные рыдания из-за незаслуженного предательства взрослого, которое маленькому ребёнку никогда не стоило испытывать на себе.

Я знала, что если усну, то чтобы проснуться мне нужно будет поставить будильник. И по нелепому стечению обстоятельств я могла просыпаться только под самую нелепую песенку, знакомую всем, кто хотя бы раз отдыхал по системе «Ол-инклюзив» в Турции.

«Арам-зам-зам, арам-зам-зам» — я ненавидела её всем сердцем, но ничто не бодрило меня так как ненависть к тому человеку, кто сочинил этот кошмар.

Дима, конечно, спал крепко, но я не собиралась проверять границы своего везения. Не в эту ночь.

Поэтому в пол-одиннадцатого, когда нам удалось разогнать всех детей по комнатам, он с большим удивлением смотрел, как я достаю свой «походный» вязальный набор и зеваю.

— Ты собираешься вязать?

— Да.

— Прямо сейчас? — он не был удивлён, скорее насмехался, попутно стягивая с себя кофту, пропахшую костром и им самим.

Серая футболка чуть задралась и явила моему взору оголённый живот. Не слишком надолго, но достаточно, чтобы мозг сообразил, что даже отсутствие рельефного пресса не делает его менее желанным для прикосновения.

— Увидела что-то, что тебе понравилось? — Дима выглядел самодовольным, словно поймал меня за подглядыванием.

Хотя он и правда поймал.

— Звучишь слишком шаблонно.

— Именно так ты себя и ведёшь. — Он пожал плечами, взял полотенце, нижнее бельё и гель для душа. — Не делай глупостей в моё отсутствие. Я мигом.

Я и не собиралась их делать. По крайней мере очень настойчиво себя в этом убеждала.

Взяв спицы и два мотка пряжи цвета капучино, я отправилась в небольшую столовую под лестницей, которая вела на второй этаж. Именно там я условилась встретиться с девочками в час ночи, после того, как запрю Диму в комнате, предварительно измазав ему в зубной пасте всё, до чего смогу дотянуться.

В доме за каких-то несколько минут стало очень тихо. Мальчики перестали шуметь на первом этаже, девочки больше не шлёпали босыми ногами по второму, и только шум воды в душе нарушал идиллию. Или создавал её.

Я бездумно набрала петли вокруг и замкнула их. Это было легко, почти не глядя на запястья, перебирать пальцами по гладкому и холодному металлу спиц, натягивая нити, чтобы они не слишком сильно впивались в кожу, полностью забывая про каждую проблему.

Словно их можно было решить, завершая ряд за рядом.

Первый — и никаких ссор с родителями из-за денег и их недовольства каждым шагом, который я делаю в своей жизни. Под их надзором или же самостоятельно.

Второй — очередной год в жизни Саши. Счастливый и полноценный. Такой где не будет неловкости, когда его в очередной раз спрашивают о том, как зовут его папу и где он работает.

Третий ряд — только для меня. Хотя я понятия не имела о чём мечтала, потому что... мечты для себя у меня не было вовсе. Так что я заканчивала его быстро-быстро, пока не

успевала расстроиться и начать горевать о том, чего попросту нет.

А дальше — механика. Самую простую шапку можно связать за пару часов.

Дима, проходя мимо, попытался разговорить меня, сделав пару остроумных комментариев на тему маньячки со спицами и как теперь он, зная о холодном оружии в метре от себя, должен спокойно спать. Я сощурила глаза, выказывая крайнюю степень наигранного презрения, и продолжила вязать, словно ничего не слышала.

Он ушёл в комнату, оставив свои безуспешные попытки меня расшевелить. А когда стрелки часов показали почти час ночи, девочки спустились со второго этажа «вооружённые» зубными пастами, по одной в каждой руке.

— Тетя Настя, ключи у тебя? — громким шёпотом спросила Злата.

— Никто не закрылся на ночь. Здесь шесть комнат. Каждая берет по одной, но в ту, что последняя не заходите, а то встретитесь с настоящим гризли.

Девочки захихикали, прикрывая ладошками рты и точно понимая о ком я, но потом взяли себя в руки и кивнули.

— Настя, а ты уже разукрасила папу? Можно посмотреть?

— Нет, с ним я разберусь чуть позже. Я очень боялась его разбудить, — подмигнула я Кате. — А теперь давайте за дело и старайтесь не шуметь, если не хотите попасться с поличным.

Девочки еще раз хихикнули и двинулись в сторону комнат на носочках. Всё действие заняло не больше пары минут, и они выходили в коридор очень довольными и почти с пустыми тюбиками. Невероятное везение, что никто из мальчишек не стал на ночь смотреть фильм или не решил поиграть в игру на мобильном телефоне.

Уже уходя, на последней ступеньке Катя повернулась и подмигнула мне, напоминая, что и мне пора взять себя в руки и действовать. Я с грустью бросила взгляд на недовязанную шапку и почти что смалодушничала, сделав короткий шаг в сторону кухни-столовой.

Нет, так нельзя. Диму следовало проучить и испачкать, чтобы больше и думать не думал о шутках надо мной.

Я взяла в руки полный тюбик зубной пасты, заранее припрятанный в дальнем углу ящика со столовыми приборами, и тихо двинулась в сторону нашей комнаты. Уже внутри меня охватила паника, но я собралась и подошла к мирно спящему отцу Кати и Ники.

Он выглядел расслабленным. Одна рука была спрятана под подушкой, вторая лежала поверх одеяла, никаких морщинок между бровей, глаза закрыты, грудь спокойно поднимается и опускается при каждом вздохе. Губы... плотно сомкнуты.

По позвоночнику пробежали мурашки, и я была бы самой ужасной лгуньей в мире, если бы сказала, что прямо сейчас не хотела прикоснуться к нему. Хотя бы кончиками пальцев. Инстинктивно ладонь сжалась в кулак, напоминая, что у меня вообще-то есть цель, и как раз этим и следовало заняться прямо сейчас.

Я быстро открыла крышку зубной пасты, сунула ее в карман своих спортивных штанов, наклонилась и приготовилась выводить усы прямо под носом у своей единственной «жертвы», когда глаза Димы неожиданно открылись, а губы растянулись в хитрой ухмылке.

— Попалась!

За окном с края крыши упал ворох снега, шумно приземляясь на вымощенную камнем тропинку, расчищенную работниками базы и посыпанную песком, чтобы избежать наледи и переломов.

На стене шумно тикали часы. Кто-то из мальчиков проснулся и недовольно забурчал, обнаружив, что его лицо измазано в зубной пасте. Девочки хихикали, не в силах скрыть свои эмоции и веселье.

Но все это происходило где-то вдаль. На периферии моего внимания, которое было полностью сосредоточено на другом. На мужчине, который не просто поймал меня за хулиганством, но еще и собирался наказать. Кажется.

Рука Димы плотно сжимала кисть, а мои пальцы по инерции сомкнулись на тюбике с пастой. Та медленно и тягуче ложилась на его идеально белую футболку, но он тоже не обратил на это никакого внимания.

— Я...

Дима не дал мне закончить то, что я хотела сказать. Я даже не была уверена в том, хотела ли что-то сказать на самом деле.

Он отвел руку и разжал мои пальцы и вытащил несчастный и полупустой тюбик пасты, а меня затрясло.

Глупое чувство, которое поднимается из глубины, откуда-то из самого нутра, когда ты смотришь на человека и понимаешь, что как-то совсем незаметно, нечаянно влюбилась. А ему даже делать ничего не пришлось.

— Не плачь. Это всего лишь футболка.

— Я не плачу, — ответила быстро, словно обиженный ребенок, чувствуя, как первая соленая капля коснулась губ.

Вот же.

Дима присел на своей кровати и потянул меня на себя, снимая с волос резинку и погружаясь в них перепачканными пальцами. Губами он прикоснулся к моему лбу, а потом положил подбородок прямо на темечко. Мои руки самым естественным образом сомкнулись вокруг него, а одной щекой я оказалась прижата к крепкому мужскому плечу.

Мне понравилось.

Возможно больше, чем следовало.

Я так привыкла быть одна или бороться с чьим-то мнением, постоянно отстаивать свои права на самостоятельную жизнь и личное пространство, что забыла какого это — подпустить человека чуть ближе, чем на расстояние вытянутой руки и приветливой улыбки.

— Ты сказала, что не любишь делиться, но я должен признаться, что у меня есть определенные обязательства перед двумя не самыми покладистыми девчонками. Одной — восемь, другой — четыре и к подростковому возрасту они обещают стать настоящими занозами в моей заднице. Катя на дух не переваривает почти всех знакомых мне женщин и своими выходками частенько заставляла их исчезать с моего горизонта раньше, чем те успевали подумать о серьезных отношениях. — Он остановился и отодвинулся назад, чтобы видеть меня. — Но ты ей нравишься. И Нике тоже.

— А тебе?

— И мне нравишься.

Я даже не заметила, что пока Дима говорил, замерла и не дышала. Выдох получился шумным, почти комичным, но в голове крутились совсем невесёлые мысли.

— Хочешь сказать, что в моём лице видишь отличную возможность убить сразу двух зайцев?

Дима подобрался и сложил руки на груди, размазывая пятно от пасты еще сильнее. Её мятный запах ударил в нос.

— Я похож на мужчину, который будет использовать женщину как няньку для дочек и любовницу одновременно, просто потому что мне так удобно?

— Я не знаю.

— Тогда узнай.

Это был вызов. Приглашение. Проверка.

— Что на счет твоей девушки?

Я не собиралась оставлять эту тему без обсуждения. Насколько мне было известно, еще пару дней назад он активно и весьма плотно общался с Анжелой, что-то планировал, куда-то двигался.

— Мы расстались. — Дима ответил так просто, словно это было ожидаемо в любой из возможных вселенных.

Коротко и без лишних соплей, словно гвоздь забил в стену с одного удара. А мне до зуда на кончиках пальцев было любопытно: как и почему? И как я могу ему доверять, если он так быстро и легко разрывая отношения с одной девушкой готов начать другие... со мной?

— Прекрати так громко думать, — словно читая мои мысли, сказал он. — Я отвечу на все твои вопросы, когда мы вернется в город, ладно? — Я медленно кивнула, не уверенная, что теперь должна сделать, потому что оставаться сидеть на его кровати, было очень неловко и опасно, а встать прямо сейчас, казалось слишком очевидной попыткой побега. Хотя куда мне было бежать — на соседнюю кровать?

— Хорошо, тогда давай спать.

— Конечно. Иди сюда.

И не дожидаясь моих возмущений и сопротивления, Дима развернул меня к себе спиной и уложил рядом на кровать, одной рукой притянув за талию, носом зарываясь в волосы, которые сам же пять минут назад растрепал.

Его грудь, прижатая к моей спине, оставила отпечаток мятной зубной пасты на футболке, а запах еще сильнее окутал тесное пространство между нами. Но в этот момент, пожалуй, даже я не была против того, чтобы быть немного испачканной.

— Маааам?

Голос сына звучал, словно издалека и казалось, что я слышу его во сне.

— Мааам, можно вопрос?

Ах, нет. Я точно проснулась.

С одной стороны в плечо мне упирался маленький пальчик ребенка, который пытался меня растолкать, а с другой...

— Мааам, а Дмитрий Иванович взял тебя в заложники после того, как ты его измазала зубной пастой? Тебя нужно спасти?

За спиной раздался сдавленный смешок больше похожий на хрюканье, и я почувствовала, как прижатое ко мне тело задрожало от едва сдерживаемой истерики. Дима заёрзал, прижавшись ко мне еще чуть плотнее.

— Не шевелись, — шепнул он.

Я и не могла, осознавая, что за всю жизнь, пожалуй еще никогда не оказывалась заложницей двух противоречивых желаний: с одной стороны встать и сделать вид, что все отлично, улыбнуться сыну и пойти с ним завтракать как ни в чем не бывало, а с другой, попросить Сашу выйти из комнаты и проверить настолько ли велико желание Димы или это просто утренняя эрекция.

Приоткрыв один глаз, я встретила с озабоченным лицом Сашки и поняла, что второй вариант придется отложить до лучших времен и, взяв себя в руки, села на кровати.

— Ты уже умылся и почистил зубы?

— Девочки ночью потратили почти всю пасту, так что её хватило не всем. А почему ты не спала в своей кровати?

Этот ребёнок не повелся на мою маленькую хитрость и продолжал во все глаза смотреть то на меня, то на Диму.

— Потому что твоя мама совсем не умеет проворачивать подобные шалости и шумит как слоник. Я взял её в заложники в наказание за то, что она меня разбудила посреди ночи и испортила мою футболку.

Голос мужчины за моей спиной звучал твёрдо и убедительно, полностью привлекая внимание сына.

Он все еще с подозрением смотрел на эту странную сцену. Восемь лет не самый простой возраст для подобных разговоров и объяснений, но шум за дверью и топот нескольких детей отвлекли наше внимание. Кто-то из мальчиков искал Сашу и громко звал его на все два этажа, поэтому через несколько секунд он скрылся за дверью.

Я опустила голову в ладони и шумно выдохнула, осознавая, что меня еще никогда не заставляли врасплох в подобной ситуации.

Я могла по пальцам одной руки пересчитать утра, когда просыпалась в объятиях мужчины, и не могла припомнить ни одного, когда бы это *не было* неловко.

Сейчас не было, даже учитывая обстоятельства.

Провести ночь с мужчиной так, без подтекста — было и вовсе необычным опытом. Казалось, что я покраснела как помидор и кровь никак не собиралась отхлынуть от лица обратно. Сердце стучало как сумасшедшее, и я совсем не знала, что сказать.

Следовало встать и молча уйти? Может быть, поругать Диму за недалёковидность?

Поцеловать его за то, что смог свести все в шутку и взял на себя ответственность?

— Твой сын удивительно тактичный, — голос за спиной вернул меня в реальность.

— Неужели?

Дима положил одну руку мне на плечо и развернул к себе.

— Поверь мне, если бы сюда зашла Катя, то о нашей совместной ночёвке уже знали бы все, а вопросов было бы в разы больше.

Я охнула, представив глаза его дочери и её хитрую ухмылку, если бы нас застукала именно она. Спорить не было никакого смысла.

— Тогда нам наверно стоит поговорить о том, что произошло.

— Стоит, и мы поговорим, когда вернемся в город. Я обещаю. — Ладонь Димы легла мне на щеку и легко, почти невесомо большим пальцем он очертил линию скулы. — Но сейчас нам лучше начинать собираться. Уже почти десять.

Я согласно кивнула и почувствовала, что на лице появилась глупая счастливая улыбка. Не логичная.

Нежданная.

Влюблённая.

Дорога домой не сильно отличалась от поездки на базу. Разве что настроением и ощущением времени. Она была тише и короче.

Дети еще не вполне отошли от активных выходных и, кажется, пытались решить как успеть подготовить уроки к завтрашнему утру. До конца четверти и нового года было чуть больше двух недель, а значит, что все самые важные срезы знаний были впереди.

Для меня же лично эти часы пролетели как несколько минут.

Дима авторитетно усадил меня к окну и лично проконтролировал посадку детей в автобус, всех пересчитал и несколько раз сверил списки, не подпустив к ним даже Елену Анатольевну, которая минут через десять не самых активных протестов сдалась и достала из сумочки небольшой дорожный роман.

Мы ехали молча, но держались за руки.

Я достала телефон и наушники, отдав один из них своему соседу, а потом включила музыку. Подборка у меня была девчачья, такая, что обычно не отвлекает от вязания и пересчёта петель, и я слышала как Дима периодически посмеивался, когда начиналась новая баллада о любви из разряда «грустный русский рэпчик», но стоически молчал и выводил на моей ладони чудоковатые узоры.

Не было никакого смысла отрицать, что наше странное и нестандартное знакомство переросло в нечто большее.

И это вызывало во мне совершенно противоречивые чувства.

С одной стороны эйфорию от тех самых «бабочек в животе», которые начинали порхать от любого взгляда и прикосновения. Я чувствовала себя глупой и неуверенной школьницей, впервые заинтересовавшейся симпатичным мальчиком из соседнего класса. И вот он неожиданно обращает на меня внимание, заставляя меня выглядеть глупо. Говорить глупости. Вести себя неразумно.

С другой — мне было страшно по тем же причинам. Я не знала, что такое нормальные отношения и, кажется, уже смирилась с тем, что никогда этого не узнаю.

— Приехали. — Дима сжал мою руку и привлёк внимание, показывая, что пейзаж за окном давно сменился на городской, и мы были уже почти у школы, где рядом с центральным входом нас ждали родители, встречающие своих деток.

Суета с выходом из автобуса, поиском своих вещей и теплыми объятьями, как будто некоторые не виделись не две ночи, а два года, была забавной, но длилась недолго.

За какие-то пятнадцать минут все организованно разошлись по домам, и даже автобус успел уехать, оставив нашу небольшую компанию бесцельно оглядываться по сторонам.

— Думаю, что нам пора, — выронила я, чтобы хоть как-то прервать паузу, некстати затянувшуюся между нами.

Катя и Саша о чем-то тихо перешёптывались в стороне, а мне лишь оставалось неловко поддевать носком своих дутиков мокрый ком снега.

— Настя, ты пойдёшь со мной на свидание? — спросил Дима, улучив момент когда дети отвернулись и перестали обращать на нас внимание.

— Да, — ответ был таким скорым, что ладонь невольно прилипла к губам. Никакого чувства собственного достоинства.

Дима довольно улыбнулся. Искренне, так как мне нравится.

— Тогда я позвоню, чтобы уточнить график моей работы и твоей занятости и нам никто не помешал, — он невинно глянул в сторону детей, совершенно точно давая мне понять, что имеет в виду и теперь уже я не смогла сдержать смешок. — Договорились?

Кивнув, я позвала сына и мы стали расходиться в разные стороны, каждый к своему дому.

А затем потянулась бесконечная неделя разговоров, романтического и не всегда невинного флирта и поцелуев. Очень много разговоров и поцелуев.

Мы болтали по телефону и в переписках о том, как дети справляются с домашним заданием, о том, как объяснить Нике, что гречневая каша почти так же полезна как и шоколадные конфетки, о том, что Сашке еще рано пытаться орудовать строительным степлером, но под присмотром он может использовать молоток, и что пирсинг в пупке не сделает Катю более привлекательной для мальчика из пятого класса.

Это, конечно, обсуждалось без участия Димы.

— А еще твой папа оторвет мне голову, если узнает, что я была в курсе твоих планов, но никак им не воспрепятствовала, — заверила я восьмилетку, состроив самое невинное из возможных выражений своего лица.

— Так и что же мне делать? — девочка обреченно уронила руки на колени, где давно забытым покоился учебник русского языка.

— Ждать восемнадцати лет?

— Фу, это слишком долго.

— Тогда научись вязать. Вещи, сделанные своими руками, могут растопить сердце даже самого холодного и неприступного мужчины, — авторитетно заявила я.

Катя хихикнула, согласно кивнув, и снова опустила голову к учебнику.

Этот разговор случился в пятницу, когда она вместе с Сашкой пришла к нам. У Димы был выходной на работе, и он практически заканчивал оклеивать будущую спальню сына. Я стойчески переносила вид его мускул, обтянутых в выдающуюся футболку, и сосредоточенного лица, когда он изредка звал меня, чтобы помочь ему «подержать там» и «сстыковать здесь».

Расстояние между нами сокращалось катастрофически быстро, и мы оба слишком легко отвлекались от заданных целей.

— Клянусь, эту комнату можно было бы закончить за три часа, а я вожусь второй вечер. Ты просто невозможная, — заявил он, оторвавшись от моих губ и прижимаясь носом к щеке.

— Просто признайся, что ты бы даже не начал, если бы наши дети не сидели в соседней комнате, — ехидно заметила я.

— Ты такая проникательная. И что же мне с этим делать?

Его ладонь легла на мою талию и с силой потянула на себя. Конечно, Дима знал, что ему делать и как отыграться за эту бесконечно длинную неделю бессовестных поддразниваний и подколов с моей стороны.

Наше свидание было назначено на субботу, то есть на завтра. Сашка очень хотел в гости в дяде Илье, чтобы подробно рассказать, как прошла поездка на турбазу. Катя и Ника отпросились к бабушке и дедушке (возможно не без участия самого Димы, но я не собиралась его за это винить).

Я тоже собиралась в гости. В соседний дом. Не в кино, кафе или театр. Не на прогулку по романтично украшенному центру, разглядывать ветки деревьев, без листвы, но в неоновых огнях. Мне обещали вкусный ужин, вино и кино, если конечно мы с Димой

сможем определиться смотреть романтическую комедию, советскую классику или американские хорроры.

В любом случае я была уверена, что вряд ли проснусь на своём матрасе, поэтому нервничала и не могла определиться с тем, стоит ли надеть черное кружево или взять пижаму.

Дверь в подъезд открыли случайные прохожие, которые выходили на улицу и лифт приветливо дождался меня с открытыми дверьми. Все было отлично, даже слишком. Я не ждала подвоха и подошла к знакомой двери в предвкушении чудесного вечера и бессонной ночи.

Но не успела я нажать на звонок, как входная дверь открылась, словно меня ждали.

— Привет, — незнакомая женщина стояла на пороге квартиры Димы. — Давай же знакомиться. Я — Маргарита, мама Кати и Ники и жена мужчины, с которым ты спишь.

Глава 18.2

— Бывшая жена!

— Я с ним не сплю!

Мы произнесли это одновременно и наверняка выглядели комично, что собственно и подтвердила незнакомая мне женщина, рассмеявшись довольно искренне.

— А мне она нравится, Дим. Ты всегда умел выбирать чудных девушек, — все ещё посмеиваясь, сказала Маргарита.

Она стояла строго в двери между нами, словно нерушимая и невозмутимая преграда, которую нельзя ни обойти, ни сломать. Я почувствовала себя невероятно глупо. Еще один мужчина в моей жизни, который никогда мне не принадлежал, и никогда не будет принадлежать.

— Тебе пора, Рита. Документы ты получишь через несколько дней, когда их проверит нотариус, и я их подпишу, — Дима легко, но настойчиво подхватил женщину под локоть и отодвинул от двери, но её длинные пальцы с аккуратным маникюром крепко вцепились в дверную ручку.

Говорил ли он про документы на развод или какие-то другие?

Хотела ли я знать?

Пожалуй, что нет.

Только теперь я решила взглянуть на его жену. Или все-таки бывшую жену. Имеет ли это значение?

Передо мной стояла красавица. Высокая и стройная — не скажешь, что родила двоих детей. Обтягивающие джинсы, полусапожки на шпильке, брендовая сумочка и безупречно белый пуховик. В её причёске и макияже так же не было изъянов. Рядом с такими женщинами чувствуешь себя неловко, словно ты достойна лишь кордебалета и никогда не сможешь встать на одну ступень с примой.

— Кажется, мне лучше уйти, — выронила я еще до того, как эта парочка начнет дальше обсуждать те вещи, которые меня точно не касаются.

— Нет, — мужская рука легла на запястье, и Дима настойчиво потянул меня к себе, попутно стягивая варежку и крепко обхватывая ладонь. — Между нашими домами не больше трех минут пешком, а у тебя пальцы просто ледяные!

Я не стала говорить, что похолодели они не от мороза на улице, а от совершенно нелогичной обиды и дикого чувства, что из этих самых рук ускользает что-то важное. Ведь я никогда не считала себя собственницей. По крайней мере, до этого момента.

А он — мой мужчина. Я так решила, я была в этом уверена, а сейчас почти потерялась на пороге его квартиры, не выдержав и минуты конкуренции с его женой. Или все-таки бывшей женой?

Вот же черт.

— Я в порядке, и я пойду.

Дёрнув руку, я попыталась сделать шаг назад, но получилось не очень хорошо. Дима держал слишком крепко и, потеряв равновесие, я по инерции двинулась вперед, фактически перешагнув порог квартиры и свалившись на него.

— Вот и замечательно, — услышала я за спиной. — Дима, подпиши документы, не заставляй моего отца просить тебя дважды и снова вызывать меня, чтобы уговорить твою

трижды никому не нужную гордость. А вам милая девушка, — обратилась Маргарита ко мне, — я дам один очень ценный совет — прежде, чем довериться мужчине постарайтесь узнать его получше, а то однажды проснетесь с пониманием, что совершенно не знаете человека, с которым прожили несколько лет.

С этими словами она отпустила дверную ручку и вызвала лифт, который моментально раскрыл свои двери, словно и ждал её. Она скрылась из виду, раздался щелчок и шум стремящейся на первый этаж кабинки.

В голове гудело от непрошенной информации, и неопределенность, тяжелыми парами витающая в воздухе давила на грудь.

— Настя, — Дима обхватил меня за плечи и легко сжал их в своих ладонях. — Настя, посмотри на меня. Прости, я не знал, что Рита заявится сюда именно сегодня. У нее остались ключи, а я не меня замки, — его горький смешок наконец-то привлек моё внимание.

— Не менял?

— Нет. В этом не было необходимости. Она ушла, четко дав мне понять, что быть моей женой и матерью для Кати и Ники не предел мечтаний.

— Но...

— Никаких «но». Я знаю, что у тебя много вопросов и я отвечу на каждый из них, обещаю. Только давай ты все-таки зайдешь внутрь. Разговаривать стоя в дверях совсем неудобно.

С этими словами и, не дожидаясь моего ответа, Дима стянул шапку с моей головы и потянул за собой в квартиру.

А когда за нами закрылась дверь и раздался щелчок замка я поняла, что сегодня возможно потеряю его навсегда.

Его квартира оказалась совсем не такой как я себе её представляла.

Мне казалось, что она будет простой и лаконичной, в сдержанных или темных тонах (конечно кроме детской), с огромным телевизором и удобным диваном, игровой приставкой и кладовкой, в которой громоздятся все эти «мужские штучки». Всевозможные инструменты от молотка до перфоратора, рыболовные снасти, мячи для футбола, волейбола и баскетбола, палатка для похода и может быть даже казан для плова и котелок для ухи.

Уверена, что Дима умеет готовить отличную уху.

— Не стой в дверях, разувайся, проходи, — он встал напротив меня, расстёгивая пуховик.

Молния легко скользнула вниз и Дима забрал его, чтобы убрать в шкаф.

— Мне помочь тебе разуться? — он беззлобно усмехнулся и сделал шаг назад, как будто действительно собирался присесть и сделать это, но я начала стягивать угги сама. — Знаешь, наверно экскурсию по квартире я устрою потом, а пока пойдем в гостиную. Уверен, что у тебя есть несколько вопросов, на которые ты хочешь получить ответы.

Я молча кивнула и последовала за ним.

У него была типичная трёшка, в которой центральной частью планировки выступал общий коридор, из которого можно было попасть во все комнаты и на кухню. Вторая комната слева оказалась залом, не слишком просторным, но достаточно уютным, с диваном, стенкой и телевизором, небольшим столом в углу комнаты, где были разложены бумаги и стоял включенный ноутбук.

— Присаживайся, сейчас принесу чай.

Дима исчез где-то в глубине квартиры, и через несколько секунд я услышала щелчок включенного электрического чайника и негромкую возню на кухне. Он открывал и закрывал шкафчики, вероятно, чтобы достать чай, и, кажется, даже хотел заварить его по-настоящему, а не использовать пакетики, хотя мне было всё равно.

Перед диваном располагался журнальный столик, на котором стояла одна кружка с недопитым черным кофе. Сначала я даже хотела отнести ее до кухни, но след ярко-красной губной помады остановил мой глупый и неуместный порыв.

Я не могла отделаться от мысли, что что-то упускаю. Дима был женат, но Катя говорила, что её мама давно не живет с ними. Значило ли это, что они в разводе или он просто водил меня за нос, чтобы... что? Залезть ко мне в трусики?

Это было нелогично. Дима мог бы получить любую женщину, которая ему приглянется. Никто даже не посмотрит на то, что у него две дочки или, что он простой продавец в строительном магазине. Такие мужчины вызывают доверие и... привыкание. От них сложно отказаться и уйти. .Ч.и.т.а.й. .н.а. .К.н.и.г.о.е.д...н.е.т.

— Вот твой чай и сахар, — передо мной материализовалась кружка с горячим напитком и сахарница с рафинадом. — Обычно ты пьешь кофе с молоком, но сейчас уже поздно, и кофе плохо влияет на сон, так что.... Я просто не знаю, сколько сахара ты обычно добавляешь в чай. — Дима подвинул ко мне все, что принёс с собой, а я лишь молча кивнула.

Мне оставалось только принять этот гостеприимный жест, продолжая прокручивать в голове всё новые и новые вопросы, который начинались в основном со слова «Почему?».

Почему в его квартире оказалась мама Кати и Ники?

Почему она представилась его женой?

Почему Дима её поправил и сказал, что она «бывшая»?

Почему он не позвонил мне и не предупредил, чтобы я не приходила?

Почему...

— Настя, — от нелегких мыслей меня отвлек голос Димы, — прекрати.

Я моргнула и непонимающе посмотрела на мужчину напротив, который остановил мою руку ровно над чаем с кусочком сахара.

— Мне не жалко, но это пятый кубик и это слишком даже для такой сладкоежки как ты.

— Но я не сладкоежка, — возмутилась я, всё же возвращая сахара на место, а Дима улыбнулся.

Так как мне нравилось. Тепло. Нежно.

Его ладонь легла мне на щеку, большим пальцем он задел нос и опустился ниже, очертив линию губ. Пришлось заставить себя повести головой, чтобы отстраниться.

Он всё понял и сам отодвинулся на полкорпуса.

И больше никакого тепла не осталось.

— Хорошо, что ты начала говорить. Я уже переживал, что замолчишь на весь вечер.

— Что ж, мне спросить или ты сам расскажешь как твоя жена...

— Бывшая жена, — поправил он.

— Угу, точно. Так как твоя роскошная, длинноногая, без единого изъяна в макияже и с совершенной укладкой, бывшая жена, оказалась в этой квартире именно сегодня, именно в тот момент, когда ты знал, что к тебе должна прийти я?

Всё это я выпалила на одном дыхании и совсем без перерыва, словно если бы остановилась, мне могло не хватить смелости, чтобы напасть на него. Потому что на самом деле у меня на это не было никаких прав.

— Я не менял замки, — просто ответил, словно это в порядке вещей у всех людей. — У Риты оставались ключи от этой квартиры. Она ненавидит панельные дома, стандартные планировки и дворовые парковки, особенно зимой, когда много снега, а гараж, в который ей так хотелось поставить свою машину, находится слишком далеко. Она ненавидит даже замочную скважину во входной двери, потому что ее ключ всегда плохо проворачивался, и она от этого бесилась.

Он достал из кармана своих спортивных штанов связку ключей — один длинный, один короткий и еще одна синяя таблетка для домофона, на брелоке в форме красной помады-фонарика. Я поморщилась.

— Но есть и еще кое-что. Она принесла это, — звякнул он связкой в руках, — и документы.

— На развод? — выпалила я первое, что мне пришло в голову.

— Нет.

И все? Больше никаких комментариев? И как я должна была это понимать?

— Знаешь, это очаровательно, что ты ревнуешь меня к Рите.

— Я не ревную! — В возмущении я схватилась за чашку трижды забытого чая и сделала глоток.

Отвратительно сладко.

— Еще как ревнуешь! Я бы не хотел тебя ревновать, ведь в ревности я ужасный зануда и мерзавец. — Дима отнял многострадальный чай и сам попробовал его, так же сморщившись. — Я бы поверил, что ты в меня влюбилась, если бы он был пересолен.

После этой фразы наступила еще одна тишина.

Слова не прозвучали как вопрос, но что-то едва ускользающее от меня там всё же было. Возможно — надежда? Он хотел признания? Сейчас?

Не самое подходящее время и не лучшие обстоятельства.

— Ладно. Шутка не удалась. — Дима оставил чашку в покое и потянулся к папке с бумагами, которая занимала всё моё внимание уже некоторое время.

— Ты действительно в разводе?

— Да, — кивнул он. — Как только Маргарита съехала со всеми вещами, я решил оформить расставание официально. Опекун на девочек я тоже взял на себя и *бывшая* жена не была против.

Я покачала головой. Не понимаю, как можно было отказаться от Кати и Ники. Они замечательные. Так похожи на папу, но такие разные. И такие ранимые.

Сколько проплакала Катя понимая, что мама ушла и, сколько думала о своей

причастности к этому? Девочки этого не заслужили.

— Тогда что в этой папке? — я кивнула в сторону загадочных документов, не представляя, какие еще юридические формальности могут связывать Диму с его бывшей женой.

— Это документы, в которых говорится, что Рита продала мне свою долю в магазине. Теперь я единственный полноправный владелец «Кузнеца да Плотника», — он развёл руками, словно это было что-то само собой разумеющееся.

— Не поняла? Что значит владелец. Еще утром ты был продавцом и ты никогда не отрицал этого. Я... мне нужны объяснения. Прямо сейчас, Дима.

И он рассказал мне всё. О том, что несколько лет назад действительно был обычным продавцом в небольшом магазине товаров для ремонта, без надежды и перспектив на развитие. О кредитах и скандалах с женой. О подработках и ночных сменах, о своём неумении принимать помощь ни от кого, даже от семьи.

— Когда Рита пригрозила уйти в первый раз и забрать девочек с собой, — Дима поморщился и закрыл лицо ладонями, — я сдался и принял помощь его отца. Деньги, менеджеров, команду, которая помогла небольшой местный строительный магазин превратить в доходное предприятие. Я смотрел на то, что делали эти люди и постепенно учился. Сначала мы расширились и взяли склад для более крупных заказчиков, потом нашли помещение для еще одного магазина. Я уходил в минус и снова брал кредиты, а где-то посреди этого хаоса Рита решила, что с нее довольно и испарилась.

Он продолжал говорить и говорить. Дедушка Кати и Ники не стал занимать ничью сторону и позволил Диме продолжать расширяться и так появились первые идеи открыть гипермаркет. Площадку выбрали в новом торговом центре и идея сработала.

— То есть ты не продавец? Ты что-то вроде директора?

— Угу.

— Генерального?

— Точно.

Я покачала головой и рассмеялась.

— Но ты не похож на генерального директора.

Дима кивнул и совершенно неожиданно для меня притянул к себе в объятия.

— И многих генеральных директоров ты знаешь, Насть?

— Как минимум одного, — я грозно ткнула ему локтем под ребро, чтобы не распускал руки раньше времени. — У моего брата своя кондитерская, и он в ней генеральный директор. Так получается.

— Ты не говорила, что у тебя есть брат.

— Уверена, что Сашка тебе уже всё доложил, — я беспечно отмахнулась и вернулась на своё место на диване. — Но если ты руководишь магазином, то почему в тот день был в зале одетым продавцом, и почему не сказал правду, когда я думала, что ты наёмный рабочий. И ремонт в Сашкиной комнате, — мне стало совсем не по себе. — Мы отняли столько твоего времени, которое ты мог потратить более...

— Не нужно драмы, Настя. Не сегодня. Просто скажи — ты злишься, что я не рассказал тебе об этом раньше?

— Нет, — я отрицательно мотнула головой и улыбнулась, — но это многое объясняет. Просто ты... не похож на серьезного делового человека. Все эти твои шуточки, и совершенно непонятное стремление помогать незнакомым людям, доверить почти незнакомке своих

детей, помогать ей и выручать, и...

Я не смогла закончить, потому что Дима наклонился вперед и закрыл мне рот поцелуем. Сладким, нежным и таким долгожданным. Возможно, что этот вечер мог стать одним из худших в моей жизни. Но сейчас, в его крепких руках, прижимаясь к его телу и обнимая в ответ, я знаю, что о большем не могла и мечтать.

Через минуту он поднял меня на руки, словно я ничего не весила, и двинулся на выход из гостиной.

— И куда ты меня несёшь? — хихикнула я, уткнувшись в его плечо.

— На экскурсию.

— И много комнат я смогу посетить?

— В ближайшие несколько часов — только одну, — пообещал Дима, закрывая за нами дверь в спальню.

Запах мандаринок не перебивал аромат готовящегося в духовке цыплёнка и едва уловимого шлейфа от покраски одной из стен в прихожей. Дима уверял, что этот цыплёнок это его коронное новогоднее блюдо и не подпускал меня на кухню.

Что за бред?

— Мааааам, а мам! — Сашка прибежал из своей спальни, куда два дня назад была поставлена мебель. — Катя мухлюет! Она шулер и пытается доказать, что выиграла в дурака, но это не так! Я видел как Ника помогала ей таскать карты из «биты».

Он помахал несколькими картинками прямо у меня перед глазами, пока я расставляла тарелки на столе.

Оставалось всего два часа до нового года.

— Скажи Кате, что на любого хитреца найдётся еще более умный и хитрый соперник, а еще лучше отправь ее ко мне помогать.

— Но я хотел отыграться!

— Разрешение на реванш получишь, когда перестанешь жаловаться, — усмехнулась я, — а пока что смирись с этим. Я же смирилась с твоей «тройкой» по математике.

Да, это был запрещённый приём и наверно какой-нибудь «гуру» по здоровым семейным отношениям пришёл в ужас от таких вот «воспитательных бесед». Но я не росла в идеальной семье, никто из нас не рос. Никто не был идеальным.

Больше восьми лет я винила себя за то, что мой ребенок рос без отца. Больше восьми лет я позволяла своим родителям возвращать в себе чувство вины перед ними и сыном, помыкать собой и манипулировать. Больше восьми лет, я верила, что могу это пережить одна и старалась это сделать.

Что-то получалось хорошо, что-то не получалось вовсе. Но теперь я поняла, что каждый мой шаг, каждая ошибка и каждая победа вели меня сюда. В этот момент.

Обычная комната, в обычной квартире со стареньким диваном, за которым я нечаянно обнаружила двух незнакомых девочек. Это могло стать катастрофой, но подарило огромное счастье.

Найденное случайно, но так вовремя.

— Итак, — Дима вышел из кухни, и вид у него был призабавный. Полотенце в качестве передника уголками подоткнутое под ремень джинсов, в одной руке салатник с оливье, во второй кувшин с морсом. — Я выключил духовку, цыплёнок почти готов.

— Тогда ты можешь отдохнуть. У нас еще есть пара часов до полуночи.

Салат и морс были поставлены на стол, и я потянула его за руку, усадив рядом с собой.

— Это ведь тот самый диван? — спросил он.

— Да, за ним я обнаружила твоих дочек.

Он попрыгал на нем вверх-вниз.

— Довольно удобный, — хитрый взгляд обещал так много, и теперь я точно знала, что именно скрывается за этим блеском.

Нужно было просто подождать. Пару часов. Дети лягут спать в комнате Саши после боя курантов и тогда, пожалуй, мы сможем проверить это утверждение.

— Но знаешь, мы ведь теперь встречаемся и, хотя прошло не так много времени, — Дима взял мои руки в свои и крепко их сжал, — я думаю, что наши отношения могли бы уже

перейти на новый уровень.

Кажется, я перестала дышать и даже замерла. Он ведь не хочет... или хочет?

— Я мог бы познакомиться с твоими родителями, например, — с улыбкой продолжил Дима. — Или... ай, женщина, прекрати меня колотить.

Я стукнула его несколько раз по плечу, а он смеялся, будто это было очень забавно, просто ради смеха почти довести меня до инфаркта.

— Прости, но я не смог удержаться, ты выглядела весьма заинтригованной моим предложением. И над тобой очень весело шутить.

Ах, весело?

— Посмотрим как ты повеселишься после знакомства с моим братом. Только с ним. А он уже решит, достоин ли ты, чтобы знакомить тебя с родителями, — выдала я, скрестив руки на груди.

— Хорошо, — Дима поднял руки в примирительном жесте. — Но знаешь что, если мы пережили ремонт, отдых с детьми и «медведями» на турбазе и даже выяснения отношений по поводу моей бывшей жены и финансового положения, то и с остальным справимся. Ведь я люблю тебя, Настя. Я нашёл своё счастье — это ты.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net